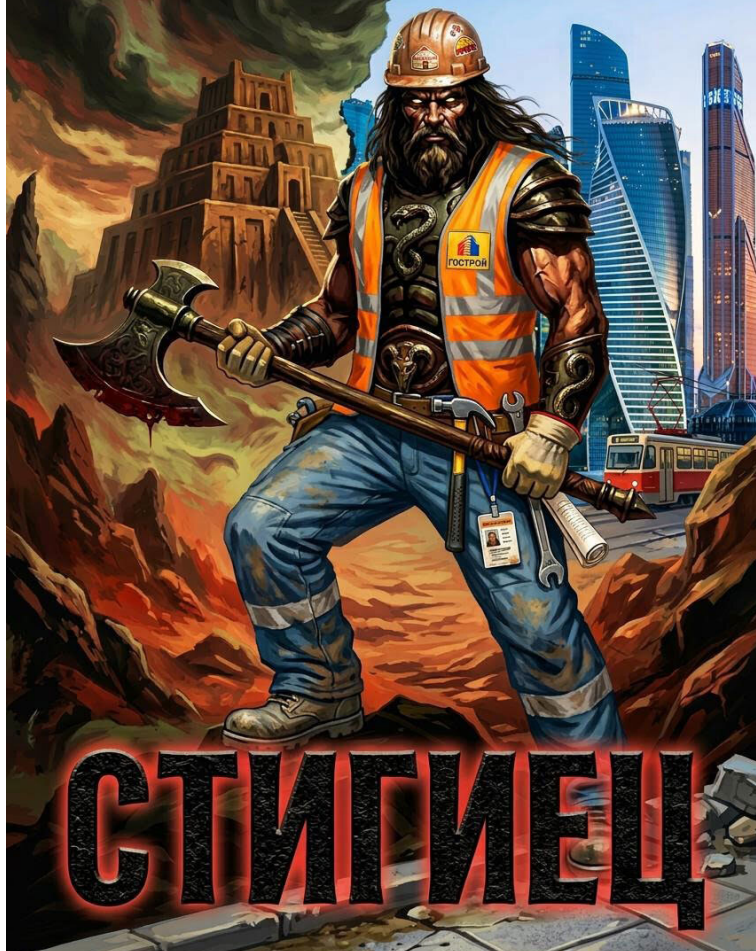


ВИТАЛИЙ ОСТАНИН



СТИГИЕЦ

Виталий Сергеевич Останин

Стигиец

Серия «Темный Жрец», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74559726

Аннотация

Верховный Жрец Сета и один из двенадцати владык Чёрного Круга Стигии умер на вершине могущества. Пронзённый проклятым мечом, он должен был рассыпаться в прах. Но очнулся в теле киргизского гастарбайтера на московской стройке. Без магии, без денег, без регистрации (и смс).

Теперь его путь – цементный раствор вместо ритуалов. Вместо сотен слуг – бригадир Рамиз. Вместо блюд на золоте – лапша быстрого приготовления с майонезом. Но жрец Сета не сдаётся. У него есть древние знания, хитрость и план: сначала выжить, потом – вернуть силу, а затем заставить этот странный мир склониться перед ним.

Понять бы еще – кто призывает в современную Гиперборею тварей Бездны? Что за гремлины сидят под капотом машины. И какие демоны живут в чёрных зеркалах-смартфонах?

Добро пожаловать в Москву, архимаг. Тут тебе не там.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	33
Глава 4	46
Глава 5	62
Глава 6	77
Глава 7	91
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Виталий Останин

Стигиец

Глава 1

Тьма пожрала меня и выплюнула. Но отступила от огрызка не сразу, сперва нехотя истончилась, точно предрассветный туман над водами Стикса, а затем лопнула, разорванная режущим светом. Тогда я вновь ощутил тело.

До этого я будто плавал в чреве Тьмы. Падал, падал, падал. Медленно, невесомо, точно перо, брошенное в Бездну. Тьма не была пустой, она смотрела на меня тысячами жадных глаз, перемалывала миллиардами зубов, превращая Матхотепа – архижреца Сета, Плетельщика Снов и Погонщика Дагона – в черную муку, из которой никогда не испечь хлеб. Сколько это длилось: мгновение или тысячу лет? Время тут не имело значения. Мне ли не знать.

Боль пришла первой. Дрожь в ногах – мелкая, противная, как будто мышцы забыли, зачем они нужны. Слабость в животе – пустота, какая бывает после долгого поста. Вибрация в самых костях – низкая, непрерывная, словно сама земля гудела подо мной зло и агрессивно.

Следом нахлынули звуки. Настоящая какофония. Неразборчивое, пронзительное, оглушающее месиво из голосов,

скрежета, грохота и какого-то воя, будто где-то рядом проводилось массовое жертвоприношение рабов. Я слышал всё это разом – и не понимал ничего.

И последним обрушился холод. И не просто холод – настоящий киммерийский мороз! Откуда, во имя Дагона, он тут взялся? В зиккурате Чёрного Круга, укрытом в сердце песков Кеми, где сам воздух плавится от зноя, а каменные плиты дышат жаром, накопленным за день?

«Спокойно, Маа, – подумал я. – Кирпич к кирпичу, шаг за шагом – так строят башни. Не бегают, словно курица с отрубленной головой, заливая песок кровью. Сосредоточься. Пойми где ты».

Я умер – это было очевидно. Как и то, что прорвался через пелену вневечности и снова жив. Проклятый киммериец, поддержанный аквилонской ведьмой, пронзил мою грудь Мечом Атланта прямо во время ритуала Плетения. Но глупец-варвар понятия не имел, что за предмет держал в своей перекачанной руке. В его ограниченном разуме она виделась лишь острой железякой. С цветными камнями, прекрасной сталью, но железякой. А не могущественным артефактом погибшей цивилизации.

Хотел бы я сказать, что бывало и хуже, но... Вспоминая, собирая по крохам свою жизнь до этого момента я понимал – нет. Не бывало. Ни когда ученики Лунного Круга пытались отравить меня плотью чёрного лотоса, от которой я блевал и гадил под себя кровью шесть суток. Ни в схватке с шемит-

скими колдунами, чьи иллюзорные скорпионы рвали мою плоть своими раскаленными клешнями.

Хотя бы потому, что тогда я выжил. А теперь умер. Вне всяких сомнений – атлантские предметы Силы слишком могущественны, чтобы надеяться на счастливый исход. Однако боль говорила, что это не совсем так.

Справиться с ней было не сложно. Отключить одним лишь усилием воли, никакой магии – этому учат даже учеников в храме Сета. Тело лишь инструмент. Оно орет от боли? Пусть орет. Ты – не тело.

С холодом было сложнее – я ведь стигиец, а не варвар из ледяных пустошей. Но и с ним справиться можно. Следом приглушить звуки, сосредоточится на собственном дыхании – медленный вдох, долгий выдох, – и грохочущий хаос вокруг начинает отступать, распадаться на слои. Я даже стал различать отдельные слова, хотя все еще не понимал ни слова.

А вот зрение возвращаться не спешило. Глаза были открыты – я чувствовал, как холодит влажную слизистую резкий ветер. Но вместо хоть каких-то образов, они показывали разуму лишь белесую муть, в которой плавали бесформенные тени.

Но вскоре и оно стало восстанавливаться. И уже уже через несколько ударов сердца я начал собирать информацию о том, где оказался благодаря подлому нападению киммерийца. Пока не шевелясь и старательно не привлекая к себе вни-

мания. Даже магию не использовал. Колдовать вслепую – гарантированный способ пополнить коллекцию идиотов, чьи костяки уже добела очищены шершавыми песками Кеми на западном кладбище Луксора.

Жрец Чёрного Круга умеет ждать.

Когда зрение стало возвращаться, первым я увидел рожу склонившегося надо мной демона. Его черное лицо имело белый провал в той области, где у человека должен находиться рот и нос, а черные глаза, направленные на меня, зловеще сверкали.

Тварь Порога, не меньше. Тени не ведут себя так нагло, а обитатели Бездны не тратят время на гляделки. Уззуб-та? Но они же росточком с голодного ребенка и кожа скорее серо-зеленая. Этот же был крупным, его странная морда занимала почти все поле моего зрения.

– Отойди в сторону, житель Порога, – хрипло произнес я на стигийском. – Не смей глазеть на того, кто способен исторгнуть тебя из этой реальности.

Уззуб – пока буду называть его так – что-то ответил. Его белая пасть не шевелилась, но слова лились именно оттуда. Непонятные, чуждые, гортанные. Он точно не говорил на стигийском и не на кофийском, да и языка Шема я в его речах не узнавал. Немного схожее с грубым наречием Черного континента и немного – это было самое странное – с гиперборейским.

Какое-то наречие Древних?

В свое время я тратил много Искр, чтобы изучить все доступные языки населяющих землю народов, для архижреца весьма полезно понимать, что про него говорят, когда думает, что он ничего не понимает. Но этот не узнавал. Что же, придется снова сделать это.

Оставаясь как прежде недвижимым, я волей потянулся к Средоточию и чуть не закричал от ужаса. Силы во мне почти не было! Там, под сердцем, где прежде хранилась энергия на сотни Искр, сейчас жалко тлели две.

Две! Две Искры! Воистину, я умер!

К счастью для «Шепота понимания», простейшего заклинания низшего круга школы Плетельщиков, не требовалось даже одной. Небольшое ментальное усилие, нужным образом сведенные пальцы и приказ, сжигающий силу. Все. Теперь достаточно слушать говорившего минуты три и я стану понимать его язык, будто родился на его родине.

Не говорить – с этим всегда сложнее. С этим требуется практика. Но слышать и понимать – этого мне вполне достаточно.

Демон снова задал вопрос. Затем еще раз. А потом, потеряв терпение, схватил меня за плечи и начал трясти. Под конец даже отвесил пощечину – уззуб явно не понимал, кто перед ним.

И наконец!

– Батыг, твою мать! Скажи что-нибудь! Эй! Больно? Ты можешь пошевелиться? Спину сломал, да? Эй, да не молчи

же ты?

Зрение к этому моменту восстановилось окончательно и я вдруг понял, что передо мной не мелкий демон Порога, не уззуб, а человек. Даже немного похожий на стигийца и одновременно с этим на – кхатайца. Изъян, что я принимал за недвижимую белую пасть на половину лица, оказался плотным куском материи, зачем-то закрывающим нижнюю его часть. Оттуда-то и доносились звуки.

– Не Батыг, – поправил его я. – Маатхотеп назвать я. Не трясисти, червь! Склониться! Приветствовать!

Мой голос не был похож на прежний. Слишком высокий, ломкий, какой-то блеющий и слабый. Возможно это от того, что силы еще не вернулись в физическую оболочку и я слишком слаб?

Как я уже упоминал, чтобы начать внятно изъясняться новой речью, требуются часы, а то и целые дни практики. Пока же я мог говорить так, будто в язык меня укусил пустынный скорпион. Ну и глубокую мысль донести не мог. Однако, как мне казалось, и того, что я сказал, должно было быть достаточным, чтобы этот жалкий червь все понял.

– Ты что несешь, чурка тупая? Бредишь, что ли? Я спрашиваю, спину сломал или где? Скорую вызывать? Только ты это, учти, регистрации у тебя нет, максимум что врачи сделают, это блокаду поставят.

Странный язык. Много непонятных смыслов, идиом. Почему он назвал меня фрагментом древесного ствола? И по-

чему вдруг моя спина должна была болеть? Почему врачи – это же целители, да? – не могут блокировать меня и зачем им нужно это делать? Про регистрацию и вовсе непонятно – как одно связано с другим?

Но вопрос про самочувствие был не праздным. Я снял волевой блок, позволяя боли вернуться и оценил свое состояние. Чуть не задохнулся от навалившихся ощущений, но все же смог уверенно диагностировать множество синяков по всему телу и несколько растянутых мышц. В основном на ногах и плечах. А еще сильно болела задница.

Ничего смертельного, но это явно были последствия чего-то более серьезного. Что там этот червь говорит? Я упал с большой высоты? Алтарь, где киммериец пронзил меня мечом, действительно находился на изрядном возвышении...

И тут я понял, что нахожусь не в храме. Человек своим лицом закрывал мне весь обзор, но тут отлучился, отвечая кому-то за пределами моего зрения. И обнажил вид на серое небо, покрытое холодными даже на вид облаками. А еще на огромные конструкции из странного металла, ничуть не похожего на медь или бронзу и стены из удивительно ровного, светло-серого камня. Совершенно не шершавого – сколько рабов и как долго полировали его?

– Он с лестницы упал, да! Два этажа пролетел! – слышался голос червя, что смел бить меня ладонями по лицу. Кажется он разговаривал с кем-то, но этого второго я не слышал. – Да не знаю я, сломал он спину или нет! Но башку, кажется,

повредил, несет какую-то хрень! Олегычу позвонить или в «скорую»? Понял, Олегычу. А если?.. Понял, никакой полиции. Решим, ага.

Вот это его «решим» мне очень не понравилось. Слышалось в нем какое-то хмурое обещание. Таким тоном жрец из Змеинового культа обычно объявляет жертвоприношение.

Да что же со мной?

Пока неизвестный говорил, я продолжал копить сведения. И к моменту, когда он вернулся, понимал, что сейчас лежу на спине. На чем-то очень холодном. А еще: что я – это не я. В том смысле, что тело, в котором я сейчас находился, было чужим. Более мелким, слабым. И, кажется, только что отступившим от края смерти.

Обстоятельства складывались в невеселую картину. Если грубо – Меч Атланта вышвырнул меня из физической оболочки за Порог и Бездну. Хотел убить, но просчитался – Плетельщика Снов не так просто сделать мертвым. Мое сознание переместилось в другое тело, на безопасное от варвара и его аквилонской сучки расстояние. Правда, оно тоже было слабым и, кажется, чуть не погибло. Но благодаря этому я смог полностью захватить и подчинить его.

А магия исцелила смертельные раны нового сосуда. Потому я и пуст, как мех с вином, забытый на солнце.

Оставалось понять – где находится это место. И что за тело теперь я должен называть своим.

– Эй, Батыг? – лицо мужчины вернулось. Теперь он снял

маску с нижней части, и выглядел почти обычно. – Сколько пальцев я тебе сейчас показываю?

И он растопырил прямо перед моим носом свою пятерню. Надо сказать, грязную и очень неухоженную пятерню. Из ее внешнего вида было понятно, что передо мной человек, сжигавший свою жизнь в физическом труде. Вряд ли раб, скорее феллах-крестьянин. Или строитель.

– Ты показать пять палец, – ответил я и внутренне поморщился. Говорил я сейчас, как дарфарец, впервые прибывший на корабле в цивилизованные земли. Если бы кто-то позволил одному из этих грязных дикарей и канныбалов говорить на стигийском.

– Так, – обрадовался человек. Но не отставал. – А пошевелиться можешь? Встать?

Я мог. Тело болело, но не было сильно повреждено. Помнится, после схватки с одним гиперборейским колдуном в Туране, я и в худшем состоянии смог добраться до порта и захватить аргосский парусник, на котором потом добрался до Змеиного города.

Так что я кивнул, чтобы вновь не позориться с произношением. И начал потихоньку подниматься. Правая рука под корпус, левая, упереться ногами в твердь, оттолкнуться – ох, Дагон, как же паршиво! – и сел. Угол обзора изменился, в него попало еще больше деталей, и на несколько ударов сердца я замер, впитывая их.

Было отчего потерять связь с реальностью. Во-первых, я

находился на большой высоте. Сидел на каменной площадке, открытой ветрам, странной башни. Выше, чем вершина самого высокого зиккурата в Луксоре, но ниже горы Тахаг, за которой каждый день прячется солнечный диск. Это было здание из того же серого-гладкого камня, в который непонятным образом влили полосы железа. Из окна, что находилось в трех шагах от моих ног, был виден раскинувшийся внизу огромный город. А железные левиафаны, похожие на гигантских насекомых, подчиняясь чьей-то могущественной магии, поднимали и перемещали грузы.

Зелень лесов, плотная застройка высокими и приземистыми зданиями, серо-голубые пятна озер и едва видимые ленты речушек, сразу давали понять – это не Кеми, не Стигия и даже не Коф. Возможно – о, Нергал, как жестоки твои шутки! – Гиперборея. Да, да, скорее всего! Только в одной части мира может быть столь могущественная магия, а жители – столь искушены в ее применении, чтобы создать этот огромный город.

Да и температура – летний день, солнце в зените, а совсем не жарко, даже холодно и ветрено – тоже говорили об этом. Слуги атлантов, ставшими господами после гибели хозяев, всегда жили на севере.

– Отлично! – голос человека вернул меня из размышлений о том, как я мог оказаться так далеко от родных песков и оазисов. – Значит, ничего серьезного? Ну, не придется в бетон прятать, хе-хе! Так, ну и херли ты тогда расселся,

олень тупой? Че, думаешь раз грохнулся, тебе выходной положен, а? Сам виноват, нефиг было пренебрегать техникой безопасности! Вставай и иди работай!

Не все его слова были понятны, но суть я уловил. Наглец считал возможным разговаривать с архиереом Черного Круга так, будто перед ним находился безродный феллах, а то и вовсе бесправный раб. Страстно захотелось наказать его за дерзость, но я пока сдерживался. Сперва стоило во всем разобраться. Если я в Гиперборее, то действовать нужно осторожно – здесь полно магов, являющихся мне ровней по силе.

Поэтому я лишь повернул голову в его сторону и ожег говорившего взглядом. Но на него это не произвело никакого впечатления. Точнее, произвело, но не то, на которое я рассчитывал.

– Че зыркаешь, чурка? Жопу поднял и пошел таскать рас-
твор, у меня штукатуришки простаивают!

Нет, подобную дерзость я не был готов прощать даже гиперборейскому магу. А уж тем более его слуге-строителю. Сложив пальцы в позу атакующей змеи, я вытянул их в сторону презренного человечешки и резко выдохнул:

– Кхеш!

– Будь здоров, ебти! Батыг, не зли меня, поднимайся. А то реально счас с ноги пропишу и все равно заставлю работать.

Но я не слушал его слов, ругая себя за глупость. Конечно, всего две Искры, и половину одной я уже израсходовал

на «Шепот Понимания». А на «Пустынный пламень», самое слабое боевое заклинание моей школы, требовалось целых пять Искр.

Магии во мне считай что и не было. Вся она ушла на восстановление этого гиперборейского раба, в теле которого я оказался. А значит прямо сейчас я ничего не могу сделать надсмотрщику. Ни заклинанием, ни физической силой – в новом облике я слаб и немощен.

Но это не значит, что я признаю его победу. О, нет! Я – Маатхотеп! Я архижрец Сета, Верховный Плетельщик Снов, один из двенадцати архижрецов Черного Круга, при имени которого у врагов от страха останавливаются сердца! Моя воля делает из кровных принцев фараонов – и возвращает правителей в навоз, если я того пожелаю! Я повелеваю мертвыми и живыми!

– Ай!

В полном неверии я уставился на мерзавца, что ударил меня по голове. Не слишком больно, но оскорбительно – он просто отвесил мне подзатыльник, как бы указывая на место в пищевой цепи. И оно, с его точки зрения, находилось в самом низу.

– Иди работай, – отдельно произнес человек, смерть которого уже встала за его плечами. – Иначе тебе конец.

«Ждать, – кивнул я себе. – Собирать Искры и ждать. Делать тело сильнее и ждать. А потом вскрыть грудную клетку этого презренного надсмотрщика и с помощью ритуала за-

брать его силу и жизненную энергию. Но пока – ждать. Ничем не выдавая себя. Разве что...»

– Ты помочь мне встать? – я изобразил на лице жалкую и униженную улыбку, от которой даже скулы свело. – Не мочь сам, болеть ног... нога. Я делать работа. Хорошо работа.

И протянул руку. Худую, тощую, слабую. Такую же жалкую, как и все это тело.

Надсмотрщик оглядел меня с презрением, но кивнул. Протянул свою, гораздо более сильную и мускулистую. Я же, ухватившись за нее костлявыми пальцами, пустил Искру, оставляя свой магический резервуар почти полностью пустым.

– Пта, яви силу и мудрость твоему слуге, – быстро произнес я на стигийском старую формулу. – Дай знания, что есть у этого человека.

Школа Птейона давно угасла как в Стигии, так и во всем остальном мире. Но некоторые ее заклинания все еще работали. Такие, например, как «Сон Пта». Оно позволяло погрузить человека в недолгий сон и вызнать у него все его секреты. Конечно, против мага Змеиноного культа или гипербореяского колдуна оно бы не сработало – что взять с заклинания в одну Искру? Но против надсмотрщика на стройке – почему нет. А мне очень нужны были знания о месте, в котором я оказался.

– Что ты там бормочешь, чурка? – начал было возмущаться мужчина. – Русский язык совсем забыл, что ли? Лянь, на-

берут...

В этот момент глаза его стали похожи на мертвые капли обсидиана, а сам он застыл, словно бы сон сковал его посредине фразы.

Я же растянул губы в злой улыбке.

– А теперь червь ты говорить я. Рассказать что знать. Что за место это?

Глава 2

Всё оказалось куда запутаннее, чем рисовалось в воображении в первые мгновения после пробуждения. Да, в главном я угадал: сознание, вырванное из умирающей плоти Мечом Атланта, пронеслось сквозь пространство и зацепилось за чужое тело – разбитое, брошенное умирать. Но расстояние, которое я преодолел, измерялось не только лигами, но и веками.

«Сон Пта» – заклинание из арсенала давно почившей школы, простое и надежное, как удар плети. При этом оно не мучило жертву допросом, не вырывало ответы клещами боли. Разум мага, точно змея, заползал в чужое сознание, и спящий выбалтывал всё сам – образами, страхами, обрывками памяти. Мне даже не требовалось спрашивать вслух. Я просто держал надсмотрщика за запястье, чувствуя, как под моими пальцами бьётся его торопливый пульс, и смотрел в его разум. Смотрел и впитывал.

Передо мной разворачивалась картина мира, которого не должно было существовать. Но который – временно или навсегда – стал моим новым домом. Потому что старый исчез.

Гипербореи, куда, как я полагал изначально, меня забросило, больше не было. Царство могущественных северных чародеев, наследников атлантов, исчезло с лика земли, точно его и не существовало вовсе. Та же участь постигла и Шем

с его караванными путями, и гордый Коф, и даже мою родную Стигию. Пирамиды Луксора, храмы Сета, зиккураты, чьи шпили пронзали небо над Стиксом, – всё обратилось в пыль, в легенду, в смутные тени на пергаменте, которые никто уже не мог прочесть.

Тысячи лет. Возможно, десятки тысяч. Время, в которое провалилось моё сознание, пока душа барахталась в чреве Тьмы, оказалось куда более бездонным, чем я мог себе представить.

Впрочем, кое-какие следы моя эпоха прочертила и на скрижалях этого мира. Будучи умнейшим и образованнейшим из жрецов Черного Круга, я без труда провёл параллели, соотнося новые государства с теми, что знал прежде. Кхатай, загадочная империя теней на востоке, звалась теперь Китаем. Шемские земли, где пастухи до сих пор гоняют стада по древним караванным тропам, люди этого века называли Ливией. А моя Стигия – змеиное сердце мира, край чёрных зиккуратов и кровавых ритуалов – превратилась в Египет. И Сету там давно никто не поклонялся.

Простолюдин Рамиз, чей разум я сейчас опустошал, разумеется, даже не догадывался о существовании прежних названий. Он вообще знал до обидного мало: его познания простирались не дальше строительного дела, нормы выработки раствора и способов обščёта рабочих. Но того, что хранилось в его памяти, хватило, чтобы мозаика сложилась.

Земли, куда меня выбросило – холодные, ветреные, за-

строенные каменными башнями до самого горизонта, – занимало государство с названием Россия. Насколько я сумел понять, она раскинулась на костях Ультима Туле – Великой Степи Мёртвых Ветров, которую во дни моей молодости боялись пересекать даже гиперборейские колонисты. Теперь же здесь шумела столица – город по имени Москва, огромный, точно Стикс в сезон разлива.

И здесь я стоял на высоте четырнадцатого этажа и смотрел в окно. Внизу, насколько хватал глаз, тянулись каменные джунгли: башни, башни, башни – бесконечные, уходящие в серое небо. В каждой из них, судя по образам из памяти бригадира, обитали тысячи людей. Тысячи! И это были не храмы, не дворцы – обычные жилища обычных людей. При этом наполненные магией так плотно, будто обслуживанием каждой из них занималась целая команда чародеев.

Магия подавала наверх воду – та текла по трубам, повинувшись заклинаниям, которые здесь называли «насосами». Солнечные духи, заключённые в прозрачные колбы, изливали свет даже глубокой ночью. А огромные кабины из блестящего металла и горного хрусталя, скользящие в шахтах, позволяли жителям подниматься и спускаться без помощи лестниц.

Правда, сам Рамиз считал, что это все не колдовство, а «технология» и «наука». Достижения развитой человеческой цивилизации – это прямо его цитата, если что. А в магию он не верил. Вернее, считал что есть люди, которые спо-

собны особыми способами унять головную боль или найти место захоронения своих потерянных родственников, а настоящие чудеса приписывал какому-то электричеству и нефти. Что за чушь!

Вороша его память, как сухой песок, я лишь усмехался. Что есть наука, а что есть магия этот надсмотрщик понимал также хорошо, как стигийский феллах – искусство Плетения Снов. То есть никак. Как попугай из джунглей Кешана, он лишь повторял слова, сути которых не разумел.

И всё же я почти поверил ему. Почти – потому что в первые минуты нашего безмолвного разговора магия и впрямь не ощущалась.

Разлитой в воздухе силы вокруг почти не было. Чтобы не тратить время допроса зря, я запустил «дыхание кожи» – медитативную практику, которой учат ещё послушников в храме Сета. Вдох – собрать крохи разлитой в воздухе энергии, выдох – вплести их в ауру, преобразуя в Искру. В прежние времена, в краю зиккуратов, на землях пропитанных кровью и болью жертв, я за пару минут набирал десяток Искр. Здесь же за всё время допроса – а это не меньше десяти минут – не набралось и четверти одной. Воздух был пуст, словно здесь только что отгремело сражение могущественных магов, которое выжгло все до черного пепла.

Но все же энергия была здесь. Я чувствовал её – не в виде разлитой по воздуху маны, а в камне, в земле, в самих этих странных, непривычного вида зданиях. Сквозь Москву

и под ней тянулись лей-линии, силовые жилы земли, пульсирующие медленной, тягучей лавой. Подключиться к ним без ритуала не представлялось возможным, но сам факт их существования согревал душу сильнее, чем кружка горячего вина с пряностями. Магия не умерла. Она просто уснула. А разбудить спящего – что может быть проще для Плетельщика Снов?

Куда хуже обстояло с сосудом, в который меня зашвырнула судьба и рука проклятого киммерийца.

Человека звали Батыг, и он был рабом.

Как следовало из памяти Рамиза, рабства в здешних краях не существовало. Точнее, до недавнего времени, оно вполне себе было, но затем его официально отменили – непонятно зачем. Но лишь на словах. Умеющий смотреть в глаза Бездны всегда увидит правду, как бы ее не прятали в дорогие ткани лживых слов.

Человек, которого тут называли «гастарбайтером», ничем не отличался от бесправного феллаха на стигийской стройке. Мой Батыг прибыл в столицу северных земель из далёкой, жаркой и нищей страны, он не имел никаких прав, кроме одного – работать. Много, тяжело, с утра до ночи, получая за свой труд миску еды и горсть медных монет.

В любой момент городская стража – «полиция» – могла избить его, изгнать прочь, отнять всё, что он имел. Ему нельзя было появляться в местах, где проводили время богатые и знатные русские. Монет, что платили за месяц каторжного

труда, едва хватало на дешёвую пищу и алкоголь. Так кем же он был, как не рабом? Рабом без цепей, но с ярмом на шее.

А часто – и жертвенным животным.

В голове Рамиза хранилось множество образов, ценности которых этот недалекий рабочий не понимал. Ежедневно он был свидетелем ритуалов, но даже не понимал этого. Кровь рабов, называемых здесь гастарбайтерами, проливалась так часто, что даже жрецы Змеиного бога позавидовали бы.

Ее мешали с цементом – тем серым порошком, который при застывании становился камнем прочнее гранита. Выглядело это так, будто люди случайно резали руки об арматуру, сбивали пальцы на кирпичах, даже гибли – и их эманации боли и смерти впитывались в стены будущих башен. Но я понимал, что «случайности» в таких масштабах способны создавать лишь боги. Или маги, стремящиеся ими стать.

Взять хотя бы тот случай из памяти Ремиза, произошедший год назад, на другом объекте. Непосредственный надсмотрщик старательно запрятал его в самые темные глубины разума, а когда он все же всплывал – мучился от стыда и удушающего страха. И пил водку – крепкое вино гиперборейцев – до тех пор, пока не терял сознания.

Рамиз был свидетелем убийства. Один из рабов, такой же бедолага, как Батыг, сорвался с лесов и разбился. Не насмерть, но сломал хребет. И с ним поступили так, как сделали бы в Стигии, да и в любой стране моего времени – принесли в жертву. Смысл пропадать сосуду?

Должны были вызывать полицию, врачей, но в тот раз поступили иначе. Грузный мужчина с лицом евнуха и замашками фараона приказал своему слуге избавиться от тела раба. Скинуть еще живого в заполненную застывающим бетоном опалубку фундамента. А потом поверх возвести стены.

Обычное дело для мира, в котором я достиг высот могущества, но страшное преступление в этом. Здесь, по крайней мере официально, рабов нельзя было убивать. Вот такая нелепость.

Объяснение, которое господин зачем-то дал слуге, звучало так: «Нам не нужны неприятности». У пострадавшего не было регистрации – теперь я знал, что это такое – а значит тех, кто взял его на работу и не уследил, накажут. А так – нет человека и нет проблем. Куда делся? Да сбежал или еще что! Впрочем, вопросов по его пропаже никто так и не задал.

Но истинной причиной, которые я читал также хорошо, как следы змеи на песке, было жертвоприношение. Не знаю кому и с какой целью – получить магическую энергию, задобрить божество или духа места? Но просто так живых людей не замуровывают в камень, да еще в основание чародейской башни. Будь все так, как говорил толстый евнух, он бы хотя бы приказал перерезать калеке глотку. Эманации же посмертного ужаса обладают просто колоссальной энергией.

Да и в целом. Кровь жертв, замурованных в фундамент – это же основа любого могущественного ритуала!

В общем, пусть я ошибся в частностях, в сути своей ока-

зался совершенно прав. Смерть от Меча Атланта переместила меня сквозь время и пространство, возродив в теле раба, который трудился за медяки на строительстве северного Вавилона. Кто из богов давал мне второй шанс на возвышение – неизвестно, но я собирался воспользоваться им в полной мере.

И пусть я пока слаб. Немоощен. Лишен магии. Это не навсегда. Главное, что я жив, а мои знания и опыт никуда не делись. А значит я найду способ подключиться к лей-линиям, обрету прежнюю силу и займу то положение, которого достоин архижрец Сета.

Но пока высовываться было нельзя. О силе здешних чародеев мне было ничего неизвестно, но в том, что они были и, как положено, занимали вершину мира, я не сомневался. На этот вывод меня натолкнуло еще одно воспоминание Рамиза.

Повсюду – на перекрёстках, над входами в дома, внутри железных коробок, что катились по дорогам – висели «глаза». Магические артефакты, неустанно следящие за каждым шагом живущих в этом городе людей. Десятки тысяч недремлющих зрачков, улавливающее каждое движение. Создать такую сеть слежки мог только кто-то могущественный. И вряд ли он был один. Скорее всего, я видел результат работы сообщества магов, вроде стигийского Черного Круга.

А еще у каждого из здешних людей, даже у рабов, вроде Батыга, имелись артефакты. Куски полированного обсидиа-

на, называемые смартфонами. Для людей они значили больше, чем сама жизнь, они часами смотрели на них и страшно боялись расстаться с артефактами даже на час. Подозреваю, что тут тоже не обошлось без моих коллег – что-то вроде дистанционного вытягивания энергии на базе магии разума.

Если так – я почти восхищён изяществом решения.

В голове Рамиза было и много другого, что указывало на существование могущественных магов, но большинство из этого я пока не мог понять. Образы, смыслы, идиомы – они проносились мимо, точно тени птиц над пустыней. Но главное – необходимый минимум для выживания в этом мире – я уже получил. Знал, где нахожусь, знал, кто я теперь, и знал, что магия не мертва. Пока этого было достаточно.

– Пробудись, – шепнул я, разжимая пальцы на запястье прораба.

Глаза мужчины ожили в тот же миг. Раздраженные, как в тот момент, как я погрузил его в сон, и абсолютно не помнящие последних десяти минут.

– Ну и хрен ли ты ждешь, чурка? Вставай и вперёд, работать!

О том, что он простоял столбом, выдавая мне тайны этого мира, Рамиз не помнил. И, насколько я успел изучить его нехитрый разум, не вспомнит. Память у него была прямолинейная, как у вола.

– Да, начальника, – пробурчал я, поднимаясь. И давя желание разmozжить ему голову куском кирпича. – Идти рабо-

тать. Больше не падать.

Тело болело, но не так сильно, как я пытался изображать, ковыляя вверх по лестнице, откуда прежний Батыг навернулся. Там, на площадке, стояли два ведра с раствором, цемент вокруг них уже начал схватываться серой коркой.

– И чтобы ту стену до конца дня закончили! – крикнул бригадир мне вслед.

Батыг, то есть теперь уже я, был придан паре штукатурщиков, работавших парой этажей выше. Таскал им раствор. И если кто-то считает, что такая работа способна унижить колдуна из Стигии, что ел с золотых блюд, то он ошибается. Мне была знакома как роскошь, так и тяжелый труд. Поэтому я молча кивнул и стал собирать пролитое. Руками. Иного инструмента у меня не было.

Следующие часы я работал. Вернее – изображал работу. Таскал снизу вверх ведра с жидким бетоном, пока другие соотечественники Батыга замазывали им стены. Смотрел, слушал, собирал крохи информации из случайных фраз и жестов. От разговоров уклонялся – да и никто с ними не лез.

Сами по себе тяжести таскать было совсем несложно – после того как я применил одно ученическое заклинание. Точнее даже – ритуал. Пол-Искры, что я едва насобирав, капля живой крови, и слово-форма на стигийском:

– Камень, забудь свою тяжесть. Ты был пылью и будешь пылью. Но пока ты в моей руке – ты перо.

Все. Знаки Те и Ша, начертанные кровью на металле,

тускло блеснули и погасли, а ведра стали легче втрое. Так я и бродил снизу вверх по этажам, изображая усталость. А когда никто не видел – изучал местность. Не столько ради того, чтобы получше узнать местные особенности строительства, хотя и это тоже, сколько для того, чтобы обнаружить источник магии.

В месте, где кровь проливается ежедневно, такой обязательно найдется.

Так и произошло.

Эманации смерти. Укололи в сердце так резко, что я едва не выронил ношу. Совсем свежая, два или три дня. Обратившись к памяти Батыга, я не смог обнаружить там сведений о том, что недавно умирал кто-то из рабочих. Впрочем, какая мне разница! На посмертной энергии жертвы – а это без вариантов была именно жертва – я смогу поднять сразу десяток Искр.

Ведра убирать не стал, пошел на «запах» вместе с ними. Исследовал лестницу, коридоры, заглянул в несколько пустых комнат с голыми бетонными стенами – но быстро понял, что источник находится не здесь. Он был в соседнем подъезде – так местные называли отдельные секции огромного жилого улья.

Прямо за стеной, руку протяни. Но чтобы добраться до него, мне нужно было спуститься в самый низ, а затем вновь подняться.

Воодушевленный, я поспешил к лестнице, выскочил на

улицу – ну и холод же в этой стране, даже летом! – и уткнулся лицом в грудь массивного мужчины, одетого совсем не в рабочую робу.

– Куда прешь, Джамшут? – без злобы, но жестко спросил он.

Лицом он был чистый гипербореец, а размерами, как киммериец. Светлая кожа, светлые волосы, рыжеватая борода. Ткань на его одежде даже на вид стоила больше, чем Батыг получал за месяц работы. Маг? Нет, энергия совсем не чувствовалась, скорее агрессивная аура воина. Гвардеец! Пусть и без оружия, но в моем положении с ним лучше не спорить. А если попытаться разжалобить?

– Мне нада туда, – самым жалким тоном пролепетал я. – По работа нада. Бригадира сказала...

– Мне похрену, что тебе сказали, – фыркнул он с насмешкой. – В подъезд не суйся, найди себе другую работу.

Вероятно, я был практически уверен в этом, воин охранял вход в подъезд именно потому, что в нем, на пятнадцатом этаже, проводился ритуал. Не зря же оттуда так тянуло смертью.

Что ж. Не получилось. Попробую подняться туда, когда уйдет маг. Конечно, он заберет почти все Искры, но я не в том положении, чтобы отказываться даже от обьедков.

– Я поняла, – кивнул гвардейцу.

– Вот и молодец, – качнул головой тот. И вдруг выдал странное, размахивая руками. – Туда не ходи, сюда ходи.

А то снег башка упадет – совсем мёртвый будешь. Ферштейн, Джамшут?

И заржал.

А я стоял, пытая переварить эту фразу.

Идиомы – вот истинное проклятие лингвистической магии. Я понимал отдельные слова, но вместе они рассыпались бессмысленным набором. «Снег башка упадет»... Снег – замёрзшая вода, падающая с неба, я знал о ней, но никогда не видел. При чём же тут снег? Он говорил о ритуале? О жертвоприношении? Место, куда мне нельзя ходить, посвящено какому-то божеству или магу, и я умру, если нарушу запрет? Похоже на то – учитывая эманации смерти. Но башка... голова... падающий снег...

– Моё имя Батыг, – сказал я, уходя. – Не Джамшут.

– Да мне насрать, Равшан, – отмахнулся страж. – Сдрисни, пока цел.

Я медленно отступил, всем видом изображая покорность, но в этот момент раздался цокот каблучков и по лестнице спустилась аристократка. Богато одетая, светловолосая, с холёным лицом. Выражение на нем читалось безошибочно – вы все мусор под моими ногами.

Не обращая на меня внимания, она кивнула воину и двинулась прочь от подъезда, к железной колеснице – Рамиз называл такие «машинами». Судя по его знаниям, внутри железа были заточены некие мелкие демоны – «гремлины». Которые зачем-то крутили какие-то колесики.

Охранник последовал за ней, а я понял – вот мой шанс. Золотоволосая аристократка и была причиной, по которой меня не пускали внутрь. Но теперь, когда она ушла!..

Забыв даже о вдвое снизившейся тяжести ведер, я рванул в подъезд, пролетел один лестничный пролет и... врезался в еще одну женщину. Нергал, да что тут за столпотворение!

В полумраке я не разглядел ее. Женщина вскрикнула, стала падать, ну а я – на нее сверху. И понимая, чем это закончится и как будет выглядеть – раб желал надругаться над госпожой, выжал из себя остатки магии и швырнул в нее.

«Усмирение» – очередное простейшее заклинание, позволяющее утихомирить буйного. Мои послушники накладывали его на жертв, чтобы они не шумели до ритуала.

Точнее, я думал, что применил его. Но когда взглянул в глаза той, кого сбил, понял, что фатально ошибся.

– Мой господин! – глядя на меня стеклянными глазами произнесла молодая женщина с рыжими, как пламя волосами. – Как я счастлива, что вы нашли меня господин!

Конечно же, радовалась она не тому, что грязный рабочий повалил ее на грязную же лестницу. Просто в суматохе ситуации, я перепутал заклинание. Хотел утихомирить, применив «усмирение», а на деле швырнул в нее «рабу любви». Разница в один неверно отставленный палец.

О, Нергал!

Ну, значит будем использовать то, что есть.

– Защити меня! – шепнул я ей на ухо, когда в подъезд

ворвался уже знакомый воин и его товарищ.

И больше ничего не успел, поскольку могучая рука схватила меня за ворот, и резко вознесла вверх.

– Ты охренел, Равшан?! – проревел мне в лицо гвардеец. И тут же переключившись, мягко уточнил. – Алина Руслановна, вы в порядке? Он ничего вам не сделал?

– Все в порядке, Эдик, – сбитая мной рыжеволосая уже поднималась с пола, отряхиваясь. – Отпусти его. Я споткнулась и упала, а этот парень спас меня от того, чтобы я ребрами не сосчитала все ступеньки.

Глава 3

Подвешенный на могучей длани гвардейца, я смог наконец рассмотреть ту, что сбил с ног в спешке. Совсем молодая женщина, вчерашняя девушка. Хрупкая фигура, узкое лицо, пылающие медью волосы и пронзительные глаза цвета морского шторма. Было в ней что-то от ванирской крови – выродившейся за тысячелетия, но все еще узнаваемой.

Стигийские фараоны и жрецы ценили красоту ванирских женщин. В том числе и потому, что получить одну из народа мореплавателей и пиратов было невероятно сложно. А обуздать – практически невозможно. Ведь ваниры обладали врожденным сопротивлением к чужой магии.

Интересно, как с этим обстоят дела у их потомков? «Раба любви» ведь сработала. С другой стороны, я застиг ее врасплох, да и сделал это не специально...

– Отпусти его, Эдик, – повторила рыжеволосая. Голос ее звучал странно, мешая властность и страсть, вызванную магией. Это было немного похоже на хриплые интонации жриц храма Иштар. – Со мной всё в порядке. Этот человек спас меня от падения.

Могучая рука гвардейца ослабила хватку, но не разжалась. Однако, этого было достаточно, чтобы я смог коснуться ступнями пола. Дышать сразу стало легче.

Воин бросил на меня злой взгляд, демонстрируя, как

внутри борются недоверие ко всяким грязным проходимцам и привычка подчиняться тем, кто имеет право отдавать приказы. А рыжая точно входила в их число.

Победила привычка. Бойцы везде одинаковы – что в Аквилонии, что в Гиперборее, что здесь, в этой северной империи бетонных башен. Не могут жить без распоряжений.

Но сомнения все же выразил.

– Алина Руслановна, вы уверены? Он тут явно что-то высматривал. Проверили бы вы сумочку...

О, Нергал, он что, заподозрил меня в воровстве? Меня, архимага?! Да в мое время любой гвардеец, усомнившийся в словах жреца, уже висел бы на крюках в храме Сета, до утра услаждая слух бога криками боли и отчаяния!

Впрочем, с учетом того, как я сейчас выгляжу, немудрено. Боги, как же бесит находится в этом теле и постоянно терпеть пренебрежение! Словно феллах, которого продают на рыночную площади за долги.

– Не волнуйся, – женщина мягко улыбнулась, но в голосе прозвенела сталь. – Иди, все в порядке. Скажи Владе Владимировне, что я сама доберусь. Я бы хотела отблагодарить своего спасителя... чашкой кофе.

В ее интонациях я слышал, что награда точно будет другой. И что самое страшное – воин тоже это распознал. Нахмурился, подозревая какую-то подставу, но я среагировал быстрее.

– Не нада кофя, – про горький напиток, цвета черной кро-

ви земли, вокруг которого был выстроен целый культ, я уже знал от Ремиза. – Я проста памагай женщина.

– Поговори мне еще! – буркнул гвардеец.

– Эдуард, – кем бы не была рыжеволосая, командовать она умела. И имело на это право. – Прекрати. Я, кажется, уже все прояснила.

– Да, Алина Руслановна, – хмыкнул здоровяк и наконец окончательно водрузил меня на землю. – Как скажете. Всего доброго.

Похоже, громила не был охранником моей обращенной рабы, а той, беловолосой аристократки. Иначе бы он не ушел. Но гвардеец смерил меня тяжёлым взглядом – в нем буквально читалось: «Я тебя запомнил, червь» – после чего развернулся и зашагал вниз по лестнице. Его тяжелые ботинки гулко стучали по бетонным ступеням, отбивая ритм погребального барабана.

Меня это полностью устраивало. Когда мы остались в подъезде одни, я тут же стер жалкую гримасу гастарбайтера, вернув на лицо привычное, слегка надменное выражение верховного жреца.

– Ты хорошо справишься, – сдержанно похвалил я Алину.

– Мой господин может всецело располагать мной, – жарко выдохнула девушка.

Она пригладила ладонями грудь, талию и бедра, давая понять, что слово «всецело» не имеет никаких иных смысловых значений. Придвинулась на шаг, без всякой брезгливо-

сти расправляя тонкими пальчиками грязную робу рабочего.

– Возьмите меня, господин! – почти простонала она. – Прямо здесь! Я сгораю от желания!

Все женщины одинаковы, когда их коснётся магия любви – неважно, истинная это страсть или заклятие, наложенное одним неверным жестом. Но для жреца Сета любовницы никогда не стояли на первом месте.

А вот для Батыга... К моему глубочайшему удивлению, тело рабочего отреагировало на близость женщины весьма... определённым образом. Кровь прилила к лицу, дыхание сбилось, а в паху возникло то самое тянущее чувство, которое хорошо знакомо любому мужчине.

О, Дагон! Как давно у этого пастуха не было женщины?

Ответ пришёл сам, из обрывков памяти прежнего хозяина тела. Очень давно. Настолько, что Батыг уже почти забыл вкус женских губ. В его нищей жизни, где он мотался между стройками, общагами и переводами денег родне, на такие роскошества, как женщины, просто не оставалось ни времени, ни сил, ни медных монет. Да и кто из них обратил бы на него свой взор?

Но спать с Алиной было нельзя. Ни в коем случае. Даже послушник при храме знает: плотская близость – это не просто удовольствие, это обмен энергией. Во время соития сплетаются не только тела, но и потоки энергии. А они с легкостью смывают наложенные заклятия. Одно дело – поцелуй, объятия, невинные ласки. Другое – настоящее соедине-

ние тел. «Раба любви» развеется мгновенно, и передо мной окажется разъярённая аристократка, которая не простит, что какой-то грязный гастарбайтер посмел её околдовать.

Если же не делать этого, то ошибочно брошенное заклинание будет развеиваться медленно. Сутками. Станет слабеть с каждым часом, как костёр, в который перестали подбрасывать дрова. Но пока оно ещё сильно – этим нужно пользоваться по максимуму.

– Не время секс, женщина, – произнёс я, стараясь говорить как можно более властно и отстранённо. В исполнении тела Батыга, с его скомканным акцентом и скрипучим голосом, это звучало, конечно, не так величественно, как в моём прежнем облике. Но Алина лишь затрепетала сильнее.

– Как скажете, мой господин, – прошептала она, отступая на шаг. В её глазах плескалось обожание. – Я буду ждать. Хоть вечность.

Нет уж, столько я не продержусь!

– Кто ты? – спросил я, переходя к допросу. – Что делать в этот проклятый подъезд?

– Я дизайнер, – ответила девушка, поправляя выбившуюся прядь рыжих волос. – Приезжала на квартиру с хозяйкой. Мы обсуждали проект.

Я свел брови – дизайнер. Слово было даже в памяти Батыга и Рамиза, но что это значит я никак не мог понять. Человек, который расставляет вещи так, чтобы было... красиво? Что еще за бред?

– Что это значить? – потребовал я ответа. Перед рабыней можно было не притворяться.

Алина кивнула, ничуть не смущаясь моему вопросу.

– Это моя профессия. Я создаю интерьеры. Подбираю цвета, материалы, мебель. Делаю так, чтобы людям было красиво и удобно жить в их квартирах. Я училась этому пять лет. И уже столько же работаю с клиентами.

Специальная профессия для того, чтобы сделать комнаты красивой? Училась пять лет? Похоже, общество потомков Гипербореи развращено даже больше, чем я думал. И это хорошо.

– Странное занятие, – пробормотал я. – Но пусть. Расскажи про хозяйку. Она маг?

Рыжая звонко рассмеялась. Звук получился хрустальный, почти детский, но в нём слышалась нотка превосходства.

– В каком-то смысле, – ответила она, вытирая выступившие от смеха слёзы. – Влада Владимировна Мешкова – адвокат. У неё обширная практика, очень крутые клиенты. Пол-Москвы её знает. Может продать что угодно – любой суд, любую сделку, любой контракт. Её боятся даже чиновники. Ну и денег у нее куча. Я уже третью квартиру ей делаю. Внутри Садового.

И со значением поиграла бровями, будто давая какой-то важный сигнал. По ее мнению я должен был понять, что это значит? Впрочем, плевать. Куда больше меня занимала эта аквилонка.

Адвокат. Это слово я тоже встречал, как в памяти Батыга, так и бригадира Рамиза. Значение его раньше было размытым, но когда Алина упомянула законы и контракты, я понял.

Жрец-толкователь законов. Человек, который знает священные тексты (здесь их называют «кодексами») и умеет произносить их так, чтобы люди склонялись перед их волей. Такой жрец мог вырвать осуждённого из рук палача одним лишь правильно составленным свитком. Или отнять у богатого купца всё его состояние, просто найдя ошибку в торговых договорах.

Влада принадлежала к могущественной касте. И она будет полезна мне. Удача наконец-то повернулась ко мне лицом!

Я мгновенно просчитал ситуацию. «Раба любви» на Алине показала, что заклинание работает, и работает прекрасно. Ошибка, конечно, вышла досадная, но что есть успех, как не череда вовремя совершенных ошибок? Нужно повторить заклинание на Владе – и в руках у меня окажется могущественная жрица, способная решить любой вопрос.

Но нужно быть осторожным.

Во-первых, она была там, на пятнадцатом этаже, где проводился ритуал с человеческим жертвоприношением. Значит, не так проста, даже если сама не владеет магией. Возможно, она – одна из тех, кто заказывает эти ритуалы. Адвокаты часто работают в связке с магами, это древний союз, проверенный веками.

Во-вторых, у меня почти нет Искр. На «Рабу любви» нужно немного, но после «Сна Пта» и «Усмирения» (которое оказалось совсем не усмирением) в резервуаре было пусто, как у неопфита. А значит, сначала нужно идти к месту ритуала и забирать посмертную энергию.

Женщина же... Она пока будет лишь помехой. Заклинение продержится еще несколько дней, а значит я могу использовать ее позже. Судя по всему, в обществе она занимало пусть не очень высокое, но важное место. Пригодится.

– Сейчас ты уходить, – произнёс я, глядя Алине прямо в глаза. – Солнце зайдет за горизонт, тогда приходить. И тогда...

Я многозначительно улыбнулся. Понимая, как это выглядит в исполнении тела Батыга – кривые зубы, цементная пыль на лице, грязная роба. Но магия «Рабы любви» творила чудеса: Алина восприняла эту ухмылку как обещание неземного блаженства.

– Я приеду! – выдохнула она, и её глаза засияли. – Я буду ждать! Хоть на край света!

– Не на край света, – поправил я. – К общага. Найти и приходить. Знаешь, где?

– Узнаю! – горячо заверила она. – Я всё узнаю!

Ещё раз одарив меня влюблённым взглядом, рыжеволосая ванирка сбежала по лестнице. Когда цокот её каблуков затих, я остался один в полумраке подъезда. Путь больше никто не преграждал.

Предвкушая пиршество магии, я медленно начал подниматься на пятнадцатый этаж – туда, откуда тянуло эманациями смерти. Но вскоре чуть не взвыл от отчаяния. Дверь в нужную мне квартиру оказалась запертой тяжелой железной дверью.

Подъезд, в котором я находился, строители уже сдали. И теперь здесь хозяйничали наемные рабочие новых хозяев. Делали ремонт, выносили строительный мусор. Но самое главное – перекрыли доступ в большую часть квартир. Этого я не ожидал.

Остановившись перед массивной преградой, я прижался к ней ухом. Изнутри не доносилось ни звука, но эманации насильственной смерти сочились сквозь металл, как кровь сквозь бинты. Сильные и свежие. Ритуал провели совсем недавно – может, вчера, может, сегодня утром.

Но попасть туда я не мог – заперто. Эх, будь у меня пара Искр, я бы использовал «длань Дагона», которое превратило бы запоры в невесомую ржавую труху. Но их не было. И мне оставалось только проклинать свою беспомощность и в сердцах биться плечом в дверь.

Спустя несколько минут, раздосадованный и опустошенный, я спустился вниз. Улица встретила меня ударом холодного воздуха в лицо и... присутствием чего-то очень знакомого.

Заметавшись взглядом по сторонам, я стал искать, что же привлекло мое внимание. И вскоре уткнулся глазами в бро-

дяде пса у кучи строительного мусора. Облезлого, жалкого, со сваливавшейся черной шерстью и проступающими на боках ребрами. Но излучающего такую мощную энергию Тьмы, что я буквально застыл на месте.

Тварь Порога.

По ту сторону реальности живет множество сущностей. Ближе всех к людям обитают Тени – мелкие духи, паразиты, осколки страстей. Сами по себе они не опасны, но найдя свое место и достойное питание, а жрут эти твари в основном человеческие эмоции, могут стать проблемой даже для опытного мага.

Они не разумны, живут инстинктами, но могут быть полезны. Как соглядатаи, шпионы и даже разносчики болезней. Взаимоотношения с ними нельзя назвать контрактом – маг просто навязывает им свою волю, расплачиваясь тем, чем они питаются. Скажем, позволяет пить гнев или боль раба.

Следующий пласт именуется Порогом, и там уже живут создания поопаснее. В стигийской традиции их принято называть демонами. И они являются главными слугами любого жреца, поскольку обладают пусть и нечеловеческим, но разумом.

С ними заключаются договоры, и горе тому магу, что неверно составит формулировку. Твари просто разорвут хозяина и вернуться на Порог. В прежние времена я держал рядом с собой несколько уззубов – мелких демонов, росточком с ребенка. Пронырливые, изворотливые и вероломные,

они были отличными помощниками.

Но для по-настоящему опасных дел у меня была парочка сехмет-ша – Гончих Порога. Сильные, безжалостные, неутомимые демоны, способные найти жертву даже на другом конце света. Как-то раз я послал их убить одного наглого кофского купца и они достали его уже на Черном континенте.

Третий слой – Бездна, но слуг богов сегодня мы обсуждать не будем. Довольно и тварей Порога. Именно на такую я сейчас смотрел. Призванную в этот мир ритуалом, занявшую тело бродячего пса, но почему-то оставленную здесь, на стройке.

«По мою душу? – первой мелькнула именно эта мысль. – Кто-то из местных чародеев узнал о конкуренте и послал слугу расправиться со мной?».

Я сразу от нее отмахнулся. Ученические заклинания не могли привлечь ко мне внимания. Это как капля воды во время тропического дождя – поди выдели одну из тысяч подобных. Но что тогда, во имя Нергала, она делает здесь?

Гончая смотрела прямо на меня. Точнее сказать, глядела сквозь оболочку Батыга, в самую суть архижреца. И видела. Меня. Настоящего.

– Кто ты, демон? – прошептал я на стигийском, делая шаг вперёд. – Зачем пришел сюда? Кому служишь?

Псина оскалилась. Не агрессивно – скорее, насмешливо. Будто я задал Гончей самый глупый вопрос в её долгой

жизни. А затем развернулась и, виляя облезшим хвостом, неспешно затрусилась прочь.

Не размышляя, я бросился за ней. Она определенно предлагала это сделать. Звала... Желала что-то или кого-то показать? Но точно не убить. Если бы ей нужна моя жизнь, я уже остывал бы у дверей подъезда, глядя пустыми глазами в серое гиперборейское небо. В своем нынешнем состоянии я не противник для сехмет-ша.

– Помедленнее, демон! – крикнул я на бегу, проклиная тело своего носителя. Дыхание сбилось уже через минуту. И магии, как назло, не было ни капли. – Постой!

Гончая бросила в мою сторону еще один насмешливый взгляд, но шаг замедлила. Спустя несколько ударов сердце я почти догнал ее, но в этот момент...

– А ну стоять!

Окрик ударил, как кнут надсмотрщика. Я обернулся увидел бригадира Рамиза, идущего ко мне со стороны строительных вагончиков, служивших таким, как Батыг, общежитием.

– Я кому сказал работать, чурка! – вопил он на ходу. А потом, проследив за тем, кого я преследую, расхохотался. – Ой, не могу! Мама, роди меня обратно! Ты что, бедолага, так оголодал, что готов уже дворнягу слопать?

В недоумении я остановился, не сразу сообразив, что он имеет в виду. А потом понял – бригадир видит облезлую псину, а не сущность, в ее теле. Для него все выглядит так, будто

доходяга погнался за животиной, чтобы немного разнообразить свой жалкий рацион.

– Я не есть собака, – фыркнул я.

– Да мне похрену, – отозвался он. – А вот то, что ты тут без дела шатаешься, очень даже не похрену. Я что сказал делать?

– Раствора носить верх.

– Наверх, дубина. И почему ты этим не занят?

– Штукатур есть что работать, я спустится.

– Бегом!

Объяснения надсмотрщика не интересовали. Он желал одного – чтобы раб продолжал трудиться. Проклиная свою слабость, кимеррийца, Меч Атланта и здешний холодный воздух, я кивнул и трусцой направился к своему рабочему объекту.

Ничего, Ремиз. Ничего. Пока ты в силе, но это ненадолго. Сегодня приедет Алина, которая сможет вывести меня на Владу. А уж та мигом сделает мне эту проклятую регистрацию, чтобы я мог свободно передвигаться, а не быть запертым на этой стройке.

Пока же нужно выглядеть, как Батыг. И работать, как Батыг. Одновременно с этим запасая Искры. Вдох – выдох. Вдох – выдох. Крохи, но с ними я могу хоть что-то. А без них сдохну, таская тяжести.

Глава 4

Остаток дня прошёл в монотонном, изматывающем труде. Я таскал ведра с раствором наверх, спускался вниз, и так раз за разом, будто был не человеком, а оживленным магией големом. Несмотря на использование заклинание «легкости», позволяющее мне не слишком напрягаться, к концу дня я все же изрядно вымотался. Еще бы, ведь на отдых можно было не рассчитывать! Стоило только остановиться, как откуда не возьмись выпрыгивал бригадир, тут же начиная свою вечную песню про «не работаешь» и «тупого чурку».

У этого грузного мужчины точно была какая-то магия слежения за всеми рабочими, точно говорю! Он ведь не только меня так кошмарил.

Из головы все не шла встреча с Гончей. Кто ее призвал? С какой целью? Зачем он звал меня за собой? Вопросы, вопросы, вопросы – ответов на них у меня не было. Пару раз я порывался поискать гостя из-за Порога, но того уже и след простыл. Пришлось возвращаться к работе. Стирать кожу на ладонях, вдыхать едкую цементную пыль, и таскать – будь они прокляты! – ведра вверх и вниз.

Но уходить было нельзя. Слишком бесправным оказался Батыг, тело которого я занимал. Без регистрации и приличной одежды, его, то есть меня, конечно же, моментально примет первый же наряд городской стражи. И отправит в каме-

ру, чтобы потом де-порти-ро-вать в его родную Киргизию. А я про нее немного узнал из воспоминаний реципиента – спасибо, не надо. Разве что климат привычный, но зато возможностей никаких.

К наступлению темноты я уже едва волочил ноги. Каждая мышца гудела, как тетива у лучника, что перетянул ее слишком сильно. Тело Батыга не было приспособлено к таким нагрузкам, насколько я понимал, этот молодой мужчина лишь недавно подался в столицу другой страны на заработки, и еще не успел обрести опытом и мускулами.

Но куда больше давила усталость ментальная. Раньше мне приходилось выматываться. В бою, в ритуалах, в интригах Круга. Но никогда раньше меня так не обволакивала тупая, бессмысленная и унижительная измотанность раба, чья жизнь измерялась кубометрами раствора, который он поднял на четырнадцатый этаж.

Нужно было скорее бежать отсюда, иначе отупею от постоянно повторяющейся монотонности бытия феллаха. И сегодня вечером я сделаю первый в этом направлении.

Алина должна была прибыть уже совсем скоро.

Общежитие представляло из себя несколько вахтовых вагончиков, поставленных друг на друга в дальней стороне стройки. Издали они походили на пчелиные соты... вблизи, впрочем, впечатления тоже не изменились. Тесные железные коробки, пропитанные запахами пота, табака и прокисшей еды. Нары в два яруса, крохотный стол, плитка с одной кон-

форкой и чайник, покрытый многолетней накипью. Вместе со мной здесь обитали ещё пятеро гастарбайтеров – уставшие, молчаливые, с потухшими глазами людей, давно смилившихся со своей судьбой.

Выданный ужин едва не привел меня к состоянию, близкому к ярости. Нет, я не ждал пиршества фараонов, жареных перепёлок в меду или вина из чёрного винограда, настоящего на лепестках лотоса. Но... Лапша быстрого приготовления, залитая кипящей водой, щедрая порция белой жирной субстанции под названием «майонез» и ломоть серого хлеба? Да рабов на возведении зиккуратов кормят лучше – им хотя бы дают мясо! А как иначе – тяжелый физический труд требует соответствующего топлива.

Здесь же жрецу Сета, одному из двенадцати, предстояло питаться разбухшей клейковиной и переработанным жиром. Но тело требовало калорий, пусть даже и мусорных. И я налег на еду, стараясь не думать о вкусе и надеясь, что желудок Батыга сможет переработать это варево.

Мои товарищи по несчастью большей частью молчали. А если и обменивались редкими фразами, то в основном на своем родном, киргизском. Я мог бы выучить и его, но не стал. Конкретно это варварское наречие не было мне нужно ни для выживания, ни для возвышения.

Друг на друга они даже не смотрели. Поели и сразу же уткнулись в свои «обсидиановые артефакты» – смартфоны. Чтобы не выделяться, я поступил также, но долгое время

просто не понимал, что делать. Их экраны сияли разными цветами, мой же оставался черным, как сердце Тсатхоггуа – Древнего бога, дремлющего в центре земли.

Покопавшись в памяти Батыга, я обнаружил, что артефакт нужно заряжать. И даже нашел, как этот делать – подключившись к зарядному устройству возле своей койки. И вскоре уже сидел, подобно другим рабам, не отрывая взгляда от переливающихся образов.

Большая часть увиденного была мне совершенно непонятна, ведь лингвистическое заклинание не распространялось на письменность. Однако, потыкав пальцем в различные пиктограммы, я вдруг открыл явление, что надолго поглотило мой разум.

Это было увлекательно – собирать кристаллы в линии. Прямые, косые, пересекающиеся. При выполнении всех условий, кристаллы исчезали во вспышке света, а взамен артефакт переливал заработанную ману в специальный кувшинчик. Не настоящую ману, как я вскоре понял. Иллюзию.

Но увлеченность моя от этого не уменьшилось. Ведь что может быть величественнее, чем выстраивать структуру из хаоса, находить не очевидные закономерности и получать за это дополнительную силу или способности.

Лишь через полчаса я смог оторваться от этого занятия. Восхищенно цокая языком от понимания – здешние маги отлично поработали, чтобы рабы даже не думали о мятеже. Всего-то и нужно, сунуть им под нос смартфон, и они по-

теряют счет времени. И даже забудут о том, как ужасно их кормят.

Примерно в это время дверь нашего вагончика распахнулась, впуская холодный вечерний воздух и бригадира Рамиза. Лицо его выражало нетипичную эмоцию: искреннее, почти детское изумление. Что он там увидел и почему смотрит на меня, будто я отрастил рога на голове?

— Эта... Батыг, — произнёс он, зачем-то озираясь по сторонам. — Там к тебе приехала краля на «Кайене». Зовет.

Работяги подняли головы от своих смартфонов и уставились сперва на него, а потом на меня. При этом тишина установилась абсолютная.

Краля? На «Кайене»? Что за странные названия? А потом до меня дошло.

— Рыжая? — когда Рамиз кивнул, я хмыкнул, поднимаясь. — Да, я ждатель.

Шесть пар глаз уставились на меня, будто я только что сообщил, что на самом деле являюсь руководителем этой строительной компании и работал сегодня под прикрытием, чтобы проверить. В них мешался шок, глухое недоумение и, конечно же, обжигающая зависть. Ни к кому из этих бедолаг не приезжали красивые женщины. Да и женщины вообще, если подумать.

Отряхнув робу я вышел на улицу. Позади слышался приглушённый шёпот на киргизском, но мне было всё равно.

Рамиз догнал меня уже на улице. Пошел рядом, понизив

голос до заговорщического полушёпота, и в его тоне я впервые уловил не начальственную агрессию, а почти... уважение?

– Слышь, она мне пятерик дала, – буркнул бригадир, не глядя на меня. – Чтобы я тебя отпустил на ночь. Божились, что к смене привезёт. Батыг, ты чем её взял? Колись давай!

Я остановился. Повернул голову. Посмотрел на него сверху вниз – насколько это было возможно в теле, уступавшем надсмотрщику в росте и массе. И с тем же холодным спокойствием, с которым архиерей Сета объявляет смертный приговор, произнёс:

– Животная магнетизма, начальника.

Вышло кривовато, но Рамиза проняло. Он моргнул. Открыл рот. Закрыл. Кивнул – просто потому что не знал как реагировать на мои слова. И отступил в сторону.

Белый сверкающий автомобиль стоял у ворот стройплощадки. Хищные обводы, ярко сияющие глаза-фары, агрессивно оскаленная решетка радиатора – хм, а Батыг-то, оказывается разбирается в машинах. В памяти вдруг замелькали сведения, которые ровным счетом ничего не объясняли: разгон до сотни, расход на трассе, непонятный впрыск и почему-то октановое число.

Мотнув головой, я прогнал непрошенные образы и посмотрел на автомобиль – именно его называли «Кайеном» – уже своими глазами. Хм, сказал бы я, что он очень напоминал пустынную рысь перед прыжком, только выточенную из

слоновой кости. Роскошная вещьца. И явно показатель статуса владелицы.

Алина сидела внутри и, завидев меня, замахала рукой. Улыбаясь, приоткрыла дверь со стороны пассажира, не выходя из салона.

– Как я счастлива видеть тебя! – буквально пропела она. Да так громко, что за спиной раскашлялся Рамиз.

Я усмехнулся и не без опасения сел внутрь. Если верить надсмотрщику, то этой колесницей управляли спрятанные под капотом демоны-гремлины – как-то оттуда они крутили колеса. Полагаю все же, наш бригадир просто был плохо осведомлен, я характерной ауры подчиненных астральных созданий внутри не обнаружил.

Зато нашел дорогую кожу, которой были укрыты мягкие сидения, множество мигающих огоньков, и прозрачную емкость с жидкостью. А еще – запах сандала, барбариса и вожделения. «Раба любви» лишала девушку даже капли критического мышления, заставляя постоянно думать об одном и том же. Обо мне.

И вдруг – что-то взревело совсем рядом! Дикий зверь... нет, целая стая хищников! Мне стоило большого труда не вздрогнуть, и помогло то, что память Батыга в этот момент сообщила, что Алина запустила мотор. Так значит все-таки гремлины, подумал я.

– Ко мне? – спросила рыжеволосая, и в голосе её звучало столько сдерживаемого желания, что она, казалось, вот-вот

перелезет через консоль прямо мне на колени.

– Да, – кивнул я важно, глядя вперёд, демонстративно не достаивая пленницу закрывая даже взглядом. – Вези.

Холодность – единственное что сейчас способно удержать девушку в нужном мне состоянии.

Машина сорвалась с места, меня вдавило в спинку кресла, а мир за прозрачными окнами превратился в полосы света. Пара минут у меня ушло, чтобы сориентироваться и перестать сжимать сиденье вспотевшими руками. А потом я стал смотреть в окно, на ночную столицу современной Гипербореи.

Ночная Москва горела. Тысячи, десятки тысяч огней – не факелы, не масляные лампы, не магические кристаллы, а нечто иное. Ровный, безжизненный, но ослепительно яркий свет заливал улицы, превращая ночь в бледное подобие дня. Огромные башни из стекла и камня отражали это сияние, множа его до бесконечности, и мне невольно вспомнились зиккураты, на чьих вершинах всегда горели гигантские светильника. Для путников, которых ночь застала за стенами города, да и для самих горожан, они выглядели, как далёкие звёзды.

Здесь звёзды спустились на землю и поселились в окнах.

Мимо проносились другие колесницы – сотни, тысячи то ли зверей, то ли демонов с огненными глазами. Они двигались так же быстро, как и наша, и мне подумалось, что люди здесь совершенно безумны. Куда так нестись? Ведь ни одна

лошадь не способна скакать с такой скоростью.

А ветер? Он ведь совсем не проникал внутрь! Возницы не шурили глаза, не дергали поводья. Лишь мягко, как сейчас Алина, поворачивали из стороны в сторону черное колесо руля.

Вскоре я увидел еще одну штуку, про которую уже знал после допроса. Металлическую птицу, летящую под облаками и моргающую поочередно красным и зеленым глазами. Она не махала крыльями, но летела – ровно, уверенно, с гулом, похожим на далёкий гром. Самолет. Внутри такого Батыг и прибыл сюда – мне стало дурно от одной только мысли, что для этого пришлось войти внутрь этого чудовища.

Пытаясь подобрать к самолету привычные образы, я перебирал знакомые. Виверн? Артефактный конструкт? Магический ковёр? Нет, все это не вписывалось в рамки моего прошлого. Мир гиперборейцев был слишком чуждым для человека из жаркой Стигии.

И всё же... Мне здесь начинало нравиться.

Да, тело Батыга было слабым. Да, магии почти не было. Да, я начал с самого дна – с раба без прав и перспектив. Но именно со дна лучше всего видно, куда расти. В Стигии я достиг вершины, и вершина оказалась уязвимой – один киммериец с проклятым мечом перечеркнул столетия труда. Здесь же я мог все начать заново. И подозревал, что этот мир, при всех его странностях, способен дать мне больше, чем прежний. Если, конечно, я смогу подчинить его себе. А там, гля-

дишь, смогу стать не одним из двенадцати, а – единственным!

Я потерял счет времени пока мы ехали. Когда машина Алины остановилась перед очередной башней из темного стекла, вышел из нее с таким видом, будто путешествия на ревущих колесницах для меня обыденны и привычны.

– Вести в твои покои, – велел я рабыне.

– Следуй за мной, господин, – послушно отозвалась та.

Она провела меня через общий холл, пахнувший чем-то цветочным и неживым, к металлическим дверям лифта. Вызвала лифт – кабину, что возносит людей вверх. Что удивило, сделала она это нажатием кнопки, видимо туда и было встроено активирующее заклинание.

В тесной кабине она дважды пыталась прижаться ко мне, обвивая руками шею и шепча что-то о том, как сильно она страдает без моего внимания. Оба раза я мягко, но непреклонно отстранял её.

– Не сейчас, женщина, – повторял я, и заклинание послушно гасило вспышки раздражения в её глазах, заменяя их покорным ожиданием. – У нас есть другие дела.

С ее помощью я хотел не только сбежать со стройки, но и попытаться подключиться к лей-линиями этого города. Тем более, что одна из них проходила совсем недалеко от здания, в котором мы сейчас поднимались на вершину.

Дверь квартиры открылась, и я оказался в помещении, которое даже фараон назвал бы достойным. Высокие потолки,

панорамные окна с видом на ночной город, мраморные полы, мягкая мебель. Здесь было тепло, тихо и чисто. Второе было самым важным.

Но Алина снова потянулась ко мне, не в силах бороться с магией.

– Мыться, – сказал я. – Работать весь день, хочу мыться.

– О, позволь мне служить тебе, – привычно затянула девушка, но отвела в комнату, в которой я обнаружил белую ванну из незнакомого металла, а также множество зеркал. Душевые, которые видели Батыг и Рамиз выглядели совсем по другому.

Но он тут был. Алина включила душ и начала стягивать с себя одежду, явно собираясь присоединиться. Я решительно вытолкнул её за дверь.

– Идти кухня, женщина. Готовить мясо.

Со страданием во взгляде, девушка послушно кивнула и упорхнула.

Душ. Я знал, что это такое. Но видеть его в памяти других и своим телом ощутить поток горячей воды – это разные вещи. На долгие несколько минут я выпал из реальности, позволяя влаге скользить по телу, смывая грязь, пот, цемент и кровь из мелких ссадин.

Но главное, что вода смывала усталость – лучше массажа умелой наложницы и часовой медитации. Просто льющаяся сверху вода. Подумать только.

Когда вышел, обернув вокруг бедер невероятно мягкое

полотенце, на столе уже стояла еда. Не лапша с майонезом, но и не мясо. Точнее, не то мясо, что я привык видеть.

– Это?.. – указал я пальцем на тарелку, в которой на куске хлеба лежали толстые ломти розовой, почему-то пахнувшей мясом и специями, субстанции.

– Прости, господин, – упала мне в ноги девушка. – Я сегодня ничего не готовила, а в холодильнике только колбаса и сыр! В следующий раз я подготовлюсь лучше!..

Я взмахнул рукой, обрывая ее причитания. Это в любом случае лучше, чем то, чем кормили рабочих. Забегая вперед скажу больше – гораздо лучше.

После еды я расположился на диване, чтобы привести в порядок мысли. Сидения были мягкими и удобными, как ни одно кресло в моей прежней жизни. Алина устроилась на полу у моих ног. Обняла их и прижалась щекой к колену. В этот момент она напомнила мне храмовую любимицу – натаस्कannую на преследование беглых рабов самку ягуара. А когда я положил руку ей на волосы – удивительно мягкие – то и звук услышал знакомый. Урчание большой кошки, отзывающейся на ласку. Под это сопровождение даже думать было лучше.

Итак, за половину дня практически непрерывного сбора маны, я смог получить лишь две Искры. И одну из них потратил, обновляя заклинание «облегчения веса», которое, разумеется, со временем выдыхалось. Это катастрофически мало и не хватит практически ни на что. Но! На то чтобы под-

чинить своей воле жрицу-законницу – должно хватить и одной. Но требуется хорошо изучить объект, ведь на ней могут быть защитные амулеты или даже сопровождение в лице магов, легко пресекающих мою жалкую попытку.

– Ты рассказать про хозяйка, которой делать ди-изайн, – произнёс я, не прекращая гладить рыжую голову.

– Владу? – Алина явственно напряглась. Я кожей почувствовал, как от нее пошла волна ревности – чувство куда более древнее, чем Стигия. – Зачем она тебе, господин? Я здесь и могу сделать для тебя все, что угодно. Только скажи.

Ну да, особенность «Рабы любви» – жуткое собственничество и жаркая ревность.

– Она не нужна, как женщина, – пояснил я, запуская пальцы еще глубже в ее волосы. – Как законник. Мне нужна регистрация. Свиток...

– Я поняла! – обида пропала из голоса, теперь она снова наслаждалась лаской. – Да, она может помочь. Но потребуются деньги. Много. Не волнуйся, господин, все что есть у меня, я пушу на дело. Мы с Владой в хороших отношениях, она не откажет.

«Все-таки с этой девчонкой я совершил в высшей степени полезную ошибку», – подумал я, усмехнувшись. Но вслух сказал другое.

– Она не задавать вопросы? Кому? Зачем?

– Возможно. Но я смогу ей все объяснить. Но сейчас звонить не стану, уже поздно. Завтра. А пока...

Она грациозно поднялась, одним движением выскользнув из легкого халата. На несколько секунд я замер, борясь с телом Батыга, который был просто неспособен отвести взгляда от красивого женского тела. Обнаженного тела.

– Не сейчас, – голос вдруг стал хриплым, а дыхание учащенным. Вот ведь! – Сейчас мы сделать другое. Ритуал.

– О, ролевые игры! Это я люблю! – решившая сперва обидеться, девушка засияла. – Кем ты хочешь меня видеть, господин? Горничной? Медсестрой?

Я заморгал, не понимая зачем она все это говорит. Но и задумываться над этим не стал. Махнул рукой, обрывая ее речь.

– Ритуал. Нужна твоя кровь. Капля. Добровольно. Железо, что блестит... отражает...

– Зеркало?

– Да. Нож. И открытый огонь.

– Свеча?

– Да, свеча. Три.

– Я поняла! – воскликнула Алина, подскочив. – Великий маг и его рабыня!.. Сейчас все принесу! Ой, как мне это нравится!

О том, чтобы накинуть халат она даже не подумал, так и упорхнула, дразня беднягу Батыга крепкими ягодичками.

Вернулась меньше, чем через минуту. Вывалила передо мной на пол тонкий нож, три резко пахнущие цветами свечи, небольшое, но очень хорошее зеркало, правда не из ме-

талла. И горсть железной мелочи – монеты, ключи, столовые приборы. Уселась рядом, дрожа от предвкушения и распространяя почти ощутимое облако возбуждения. Пришлось собрать всю волю, чтобы отсечь эти ощущения.

Свечи расставил в треугольник с равными сторонами. В центр положил зеркало. Взял нож и протянул руку к Алине. Хотел было сказать, чтобы она не боялась, но та без сомнений протянула пальчик и сама уколола острие ножа. Выступила капля крови.

Я уже собирался приступить к первой части, начертательной, когда из соседней комнаты вдруг вышел кот. Черный, гибкий, с ушами, как у летучей мыши и желтыми немигающими глазами, которые он сразу же вперил в меня. На шее у зверя висел ошейник розового цвета, расшитый бисером, складывающимися в незнакомые буквы.

– Ой, Бублик! – воскликнула Алина, вмиг забыв о подготовке, и захлопав в ладоши. – Ты проснулся, маленький! Иди сюда, мой хороший, я тебя познакомлю...

Она недоуменно замолчала, глядя на мою властно поднятую руку. Посмотрела сперва на меня, потом на своего кота. Девушка не понимала, но как-то чувствовала, что между нами протянулась незримая нить.

– Ты не любишь котиков? – шепотом спросила она. – Это Бублик, он хороший и ласковый. А то что уши – это порода такая, ориентал...

Но я смотрел не на уши. Я глядел в суть того, кто скры-

вался в теле крохотного животного. Старый, очень старый знакомый. потому что я поднял руку, приказывая ей остановиться. Мой взгляд был прикован к коту. Точнее – к тому, что скрывалось внутри кота.

Ксотун. Сдиратель Кожи. Поедатель Надежд. Младший демон Бездны, который когда-то давно служил мне по заключенному контракту. И этот контракт, насколько я понимал, должен был быть разорван. По причине моей смерти.

Желтые глаза демона смотрели в мои. А в голове сам собой зазвучал его голос, от которого – пила по кости – дрожала сама душа.

«Владыка Маатхотеп? Клянусь чешуей Сета и сиськами Иштар... Это ты! Как, во имя всех темных богов ты здесь оказался?»

Глава 5

Долгое молчание, в котором мы с котом-демоном созерцали друг друга, Алину не насторожило. Вероятно, она решила, что я просто никогда в жизни не видел такую странную породу – уши у зверя и правда были выдающимися. Даже выдала чисто женское:

– Это просто котик, мой господин, – проворковала она, протягивая руки к черношерстному животному. – Ты не любишь котиков?

Котик!.. Мне хватило выдержки, чтобы не фыркнуть, выражая свое отношение к ее заблуждению. Держит в квартире тварь Бездны, которая способна залить кровью весь этот дом и прилегающие к нему районы. В качестве питомца! Сет, что за странный мир!

Но я оборвал неуместную веселость, сосредоточившись на мысленном диалоге с демоном.

– Ксотун, кому ты служишь теперь? Этой женщине?

Да, как ни странно, я был рад его видеть – если такое вообще применимо к встрече с демоном. Он был как будто частью моей Стигии, кусочком привычного жизненного уклада, который я встретил в этой далекой холодной стране. Но при этом я не обольщался – даже будучи старым знакомым, демон оставался лживой, думающей только о своей выгоде и жратве, тварью. А от того, кто теперь является его сегодняш-

ним хозяином по контракту зависит, ждать мне нападения или нет.

– Тебе, владыка! – обескуражил меня ответ. – Наш контракт так и не был разорван.

– Как такое возможно? – от известия голова пошла кругом. – Когда Меч Атланта пронзил мою грудь, разве не должен был ты освободиться от оков договора? Это прописные истины, Ксотун, все об этом знают.

– Так вот в чем дело! – котюра умильно зевнул, в то время как перед моим внутренним взором жадно распахнулась огромная жабья пасть, усеянная рядами острых и тонких, как иглы, зубов. – Тебя пронзили этим проклятым артефактом? Что же, это много объясняет...

– Говори, – потребовал я. Раз он по-прежнему связан со мной контрактом, то обязан ответить.

– Я все гадал, почему твоя смерть не зашвырнула меня обратно в Бездну, – Ксотун неторопливо переставляя лапы двинулся ко мне. – И почему долгожданная свобода обернулась тысячами и тысячами лет унижительных перерождений...

Именно этот момент выбрала Алина, чтобы подхватить черный шерстяной комочек и прижать его к своей обнаженной груди.

– А кто у нас такой хороший мальчик, – тут же заворковала она над котом. – А у кого у нас такой красивый ошейник. И такие нежные ушки...

Захваченный «Бублик» стоически терпел поглаживания, в то время как в моей голове слышался его возмущенный рев.

– Убери от меня руки, ты, тупая самка! Я Тьма! Я Ужас и Смерть...

И вдруг его голос сменился странным звуком, в котором я с удивлением опознал мурлыканье.

– Проклятая природа! – через несколько секунд смущенно произнес демон. – Я слишком давно живу в кошачьих телах. Как разум не утратил – сам не знаю. И появились рефлексy – когда чешут за ушами, просто невозможно удержаться!

– Продолжи объяснения.

– Да, конечно! Теперь-то мне все ясно. Меч Атланта – подумать только! И где этот косматый варвар нашел его? Не иначе как аквилонцы подсуетились! Как это похоже на них – втянуть в конфликт между странами недалекого мускулистого оборванца! А я говорил тебе, если помнишь – еще тогда надо было кончать того выскочку! И что ты ответил? «Понаблюдаем за ним, Ксотун. Он довольно забавный, Ксотун». И как, теперь тебе смешно?

– Ксотун! – требовательно повторил я.

– О, прошу прощения, владыка! Истинная радость говорить после стольких веков молчания, просто остановиться не могу! Так вот, мне все представляется довольно просто. Меч Атланта исторг твою душу, но не убил, а отправил сквозь

пространство и время. В результате этого ты, формально, остался жив, а значит и контракт между нами сохранился.

К такому же выводу пришел и я сам, правда, без понимания, что находящиеся в договоре со мной существа Порога и порождения Бездны, продолжили жить здесь, на Земле. Целые эпохи... Постой-ка! Так это, получается, та псина на стройке, одна из моих Гончих? Вот почему она не напала? Невероятно! Но как она смогла протянуть так долго? Надо завтра найти ее и расспросить.

– И ты все эти годы жил в этом теле? – хмыкнул я.

– Что? О, нет! Что ты! Бездна куда коварнее, чем ты можешь себе представить! Тела изнашивались и я занимал те, что были рядом. Сил было немного, а потому я мог претендовать лишь на животных. В конечном итоге остановился на кошачьих. Удивительное племя, владыка! Ты даже не представляешь, сколько грации и подвижности в этих небольших созданиях. Живут, правда, не очень долго, моих сил хватает, чтобы поддерживать биологические процессы лет тридцать, а потом приходится искать нового носителя. Но в остальном – чистое совершенство! Погляди, как я могу!

И кот, продолжая лежать на руках девушки, изогнулся и начал вылизывать себя между ног.

– Извращенец! – фыркнул я, не испытывая, впрочем, никаких эмоций.

Значит, перерождения. Раз за разом. Да уже, Бездна умеет шутить. Оттого и Гончая выглядит так, будто смогла занять

самое жалкое тело, которое только могла.

– Я демон, вообще-то, – немного обиженно отозвался тот. – В любом случае, это тело куда совершеннее, чем тушка, что досталась тебе. Я только по запаху могу определить десяток болезней этого несчастного. Причем, парочка из них уже в хронической форме. Кстати, а почему ты не исцелишься?

– Потому что нет Искр, – настал мой черед отводить взгляд. – Маны в воздухе почти нет...

– И ты собрался подключаться к лей-линиям? – понятно-во кивнул Ксотун. – Прости, но зеркало и капля крови, отданная добровольно – это...

– Что?

– Как попытка напиться из горного озера, используя трубочку для коктейлей.

– Какую еще трубочку? – не понял я. Нахмурился. Что-то крутилось в памяти Батыга, но нечеткое.

– Забудь, потом объясню, – демон отмахнулся хвостом. – Я к тому, что полученный объем вряд ли превысит две-три Искры.

– В моем положении и этому рад будешь. Сперва три, потом пять...

– Узнаю старину Маатхотепа – никогда не сдастся! – демон столкнулся с моим бешеным взглядом и торопливо извинился. – Прости, владыка. Понахватался от современных людей, разучился говорить вежливо. Строго говоря, удиви-

тельно что я вообще не забыл речь! Если бы не телевизор... О, Темные боги, неужели все закончилось! Скажи, что ты планируешь дальше, владыка? Захватить власть в этом городе, а потом в стране? Построить зиккураты из черепов принесенных в жертву людей! О, да! Теперь-то мы с тобой развернемся!..

– Ксотун!

– Пардоньте... то есть, прошу прощения, владыка. Я немного увлекся.

– Ты говорил о том, что я ошибаюсь с ритуалом, – напомнил я.

Болтливый демон, ха! В прошлом из Поедателя Надежд за день было не вытянуть столько слов, сколько он произнес сегодня за пару минут.

– Не ошибся. Неверно выбрал способ, если понимаете о чем я. Да, кровь, зеркало, все это позволит подключиться к лей-линиям, но... Тем более, что ты подчинил ванирку. Тебе ли не знать, какой силой сопротивления обладает их кровь. Даже разбавленная столетиями, она не даст тебе нужной силы якоря...

Тут он, кстати, прав. Однако, какой у меня выбор? Что-то я не наблюдаю вокруг людей, готовых добровольно отдать свою кровь для ритуала. Нет, можно, конечно, потерпеть пару дней, собрать Искры и сделать рабой кого-то еще, попросе. Но, время! Невыносимо даже думать о том, чтобы провести на стройке еще столько времени.

– ...не лучше ли использовать меня? – пока я размышлял над его словами, Ксотун и не думал останавливаться.

– Тебя? – я нахмурился.

– Ну сам подумай, – мне послышались снисходительные нотки в голосе демона. – Сама моя суть связана с Бездной, я идеальный проводник. А твой нынешний сосуд, уж прости, дырявый мех для вина. Без вина. Я же пропущу поток через себя, отфильтрую и выдам на тебя – без этого твое тело просто сгорит от переизбытка энергии.

– И сам наберешь Искр, чтобы бросить мне вызов и разорвать контракт силой? – понимающе усмехнулся я.

– Да как ты мог такое подумать, владыка! – ненатурально возмутился Ксотун. И тут же перестал играть. – Ну да, так я подумал сначала. Что? Я же демон! Но потом пришел к выводу, что мне выгоднее оставаться с тобой. Кем я вернусь в Бездну, если разорву договор сейчас? Неудачником, что несколько эпох ждал своего хозяина? Гончим на смех! Зато, если останусь с тобой, дождусь твоего возвышения, а уж потом попытаюсь убить тебя – это совсем другой статус!

Я ненадолго задумался. Предложение слуги было... разумным. Не в той части, где он попытается убить меня в отдаленном будущем – чего еще ждать от порождения Бездны? А то, где он выступит своеобразным фильтром. Предохранителем между лей-линией и моей, точнее, Батыга, истощённой аурой.

– Хорошо, – решительно кивнул. И уже обращаясь к «ра-

бе» добавил. – Алина, поставить зверь в центр фигуры свечей.

– Ты же не собираешься навредить Бублику? – встревожилась девушка, но кота послушно водрузила туда, куда я указал.

– С кот все будет хорошо, – хмыкнул я, чувствуя, как Сдирателя Кожи корежит от прозвища питомца. – Мы просто играть с ты... тобой. И Бублик.

Девушка удовлетворенно кивнула, поставила своего ориентала в указанное место и уселась рядом со мной. Её глаза сияли предвкушением – что уж она там себе навоображала, понятия не имею. Точнее, вполне могу себе представить, это ведь не первая «раба» в моей жизни, но думать об этом я точно не хотел. Впрочем, я вопросом-то этим задался совершенно мимолетно, сразу сосредоточившись на ритуале. Направил свою волю...

Непосвященному сложно объяснить, что такое взаимодействие с самой энергией мира. И как маг контролирует то, чего даже увидеть нельзя. Однако я, как человек обучивший не одну сотню неофитов, уже давно сформулировал простой и понятный даже глупцу образ.

«Вы должны представить, как пробуждаетесь и понимаете, что сон продолжается. Нет никаких сил пошевелиться, при том что окружение – абсолютно реально. То же помещение, где вы заснули, та же постель. Все реально до последней мелочи. Но вы знаете, что это обман. И вам нужно выныр-

нуть, но вы не можете, ведь тело скованно сонным оцепенением. Внимайте же: вам нужно собрать всю волю и решимость, чтобы пробить пелену сна и вырваться из ложного в настоящее пробуждение. Воля – вот что делает мага магом».

Я находил это определение полностью исчерпывающим. Хотя, должен признать, далеко не все неофиты на моей практике смогли с первого раза применить его. Некоторые – и с сотого. Люди глупы.

Подчиняясь моей воле вспыхнули синим огнем свечи, окружающие Ксотуна. Произнося формулы на стигийском, чертя пальцем знаки в воздухе, я видел, как оживали тени, отбрасываемые мертвым светом. И когда температура воздуха стала падать, а изо рта пошёл пар, понял – пора.

Волей потянулся я к сосредоточению энергии мира. Рядом завизжала от страха девушка, но я не обратил на это никакого внимания. Сейчас я должен был удержать то, что схватил. И не просто удержать – забрать. Орущая девка не могла отвлечь меня от этого.

А вот ванирка впавшая в транс – могла. Сначала я услышал, как резко оборвались ее вопли. Потом боковым зрением заметил, как она запрокинула голову, как ее зеленые глаза закатились, оставляя видимыми лишь белки, а тело начало мелко дрожать. Горло ее начало издавать глухие гортанные звуки, не похожие ни на один язык из тех, что я знал.

Да, это не могло не отвлекать.

– Как я и опасался, проснулась её кровь, – хрипя, про-

изнёс Ксотун, через которого теперь шёл поток энергии. – Проклятая ванирка, она блокирует мне поток к лей-линии! Сделайте что-нибудь, владыка!

Что, например? Я было собирался без затей вырубить де-вушку, не будучи, правда, уверенным в том, что это срабо-тает. Но тут поток маны хлынул в меня через демона. Это было не сравнимо с теми жалкими крохами, что я собирал «дыханием кожи». Река против водяной взвеси в воздухе – вот как я это воспринимал. И оглушенный ею, я не придумав ничего лучше, чем перенаправил часть его на «рабу».

– Отличная идея, владыка! – похвалил меня кот. – Какой бы не была ее сопротивляемость, с этим потоком ей не совла-дать. Только вот моментик, он смоем и ваше заклятье. Сей-час, когда она вырубится, сразу обновите «рабу» любви. Ина-че мы получим тут яростную голую девку с ножом в руке и полицейский наряд в перспективе.

Так я и поступил. Когда обессиленная Алина упала на пол, я – уже осознанно, никаких ошибок – направил на нее руку и активировал заклинание. Готово! Теперь собрать остатки маны и – все! Прав, тысячу раз был прав Ксотун, ко-гда предложил использовать его в качестве фильтра на лей-линии. Не будь его, хилое тело Батыга попросту зажарилось бы от такого количества полученной энергии.

– Пригляди за ней, – велел я демону, когда мы закончи-ли. Чувствуя себя полным Искр, я желал как можно быстрее пустить их в дело. – Меня не беспокоит без крайней необхо-

димости.

Первым делом я занялся исправлением дефектов тела Батыга. Двадцать Искр, а именно столько нам удалось получить из ритуала, не так уж много для прежнего Маатхотепа, но для меня сегодняшнего – просто царская сокровищница.

На полную трансформацию, конечно, не хватит, но для исправления самых ярких проблем – вполне. Сначала «Поцелуй Сехмет» – заклинание, исцеляющее внутренние органы. Желудок Батыга, измученный лапшой и прочим мусором будет понемногу приходить в норму. День-два и от токсинов очистится печень, а легкие, забитые цементной пылью, обретут прежнюю эластичность.

Правда вонять от меня в эти два дня будет просто ужасно. Весь яд выйдет через поры кожи. Ну и ладно. Спишут на нечистоплотность раба, всего-то.

Следующим на что я потратил вновь обретенный запас – «Плоть Кхаона». Небольшое подстегивание регенерации, улучшение эластичности кровеносных сосудов, укрепление мышц. Тоже не сразу, но спустя недолгое время даже желтые зубы побелеют и тусклые редкие волосы станут гуще.

Ну и напоследок – «Жилы Атланта». С этого вообще стоило бы начинать, заклинание запускало циркуляцию маны по организму, прокладывая и укрепляя дублирующие кровеносную систему энергоканалы. Но в моих обстоятельствах – сперва тело. Иначе гуляющие по нему Искры попросту убьют меня.

Итого – десять Искр. Ровно половина ночной добычи. Много, но оно того стоило. Всего день я пробыл рабом и должен сказать, мне не понравилось. Воином, правда, не стал. Но уже лучше подготовился к вызовам этого мира.

В медитации после трех заклинаний первого круга я просидел половину ночи. А когда открыл глаза и увидел Ксотуна, вылизывающего... пусть это будет лапа... понял, что страшно проголодался.

– Веди меня на здешнюю кухню, – велел я ему. – Покажешь, как пользоваться утварью этого дома. Я хочу есть.

Девушку мы так и оставили спать на полу. И вместе с демоном в дурацком розовом ошейнике принялись разбираться с устройствами, с помощью которых современные люди готовят пищу.

– Нет, это не призраки ледяного ада, господин, это холодильник, – вещал Ксотун. – Работает, как и большая часть приборов, на электричестве. Я специально этот вопрос изучал. Там внутри трубочки с газом, называется фреон...

– Избавь меня от подробностей, – отмахнулся я, заглядывая в белый металлический ларь ответил я. – Не все ли равно, магия это или конструкт. Атланты, как писали в древних трактатах, вполне успешно применяли и то, и другое.

– И к чему это их привело? – хмыкнул демон. – Мясо с рыбой в нижних ящиках, это называется морозильник. Что ты хочешь приготовить?

– Что-то простое и сытное. Мясо.

– Хвала Нергалу, я уже не могу смотреть на этот проклятый кошачий корм!

Так перебрасываясь фразами, мы принялись за готовку. То есть я, конечно же, кот сидел на подоконнике и объяснял мне пропущенные тысячи лет человеческой истории. В своей интерпретации, с позиции четвероногого комка шерсти.

Я слушал, нарезая мясо, овощи, взбивая яйца – для ночного перекуса я решил приготовить отбивные. В жизни мне пришлось много путешествовать, а умение готовить пришло от нежелания давиться походной пищей.

– Но самая жуть, которую придумали твои потомки – это, конечно, интернет, – вещал Ксотун, пока я нагревал сковороду. – По сути это деградировавшая версия сети Акаша, это если по простому объяснять.

– Она же не работает, – я даже отвлекся от шипящего масла. – Здешние колдуны смогли ее восстановить?

– Это в твоё время она не работала, а у атлантов – вполне. И, нет. Никто ничего не восстанавливал. Создали новое, но вывернули наизнанку саму суть. Если атланты работали с эфиром, где была записана каждая мысль, каждое слово и каждое действие любого живого существа за всю историю мира, то эти просто записали это все на жесткие диски. Кристаллы, так понятнее?

Я нахмурился. Признаться, не очень. Как правильно сказал демон, в мои времена Акаша-сеть считалась мифом. Каждый образованный человек про нее знал, но верил – один

из сотни, и это в лучшем случае. После гибели Атлантиды доступ к ней был утрачен, и несмотря на упорные поиски, так и не был восстановлен. Не то чтобы меня это сильно печалило, но да – множество знаний оказались закрыты для нашего времени. А потомки гиперборейцев, получается, смогли продвинуться.

– Нет! – рассмеялся Ксотун. – Говорю же тебе, это не работа с мировым эфиром, это подключение к удаленным компьютерам по проводам. По крайней мере, официально. А на деле – вот это реально вызывает восхищение – слив ментальной энергии на эгрегоры соцсетей. Только представь: каждый лайк, каждый просмотр, каждый комментарий – это микро-жертвоприношение. А их миллионы.

– Сбор Искр через эгрегоры? – большую часть сказанного я так и не понял, но когда речь зашла про понятные мне вещи, сразу оживился. – Местные маги создали сеть, чтобы постоянно получать жертвенную энергию?

– Красавцы, да? Ничего не делают, а энергия сама течет. Не ко всем, конечно, только тем, кто на самом верху. Ну и крохи к тем, кто сумел присосаться – блогеры всякие и другие инфлюэнсеры. Кто-то, конечно, по старинке, домены создает и с того кормится, но поверь мне, владыка – настоящая власть у Круга Золотого Тельца.

Я помотал головой. Чем больше кот говорил, тем меньше я понимал. Блогеры, инфлю... нет, я не могу это выговорить даже мысленно. Но основной посыл от слуги все же

уловил. Маги в новой Гиперборее существуют. И они сильны настолько, что опутали своими сетями всех живущих людей. Тут, кстати, вспомнилась игра на смартфоне Батыга, и как увлеченно я просадил кучу времени, двигая иллюзорные кристаллы по черному экрану. Да, в этом был смысл.

– Давай есть, – первые отбивные легли на тарелки. – С голодухи я ничего понять не могу понять.

– Только порежь мне на кусочки помельче, а то у меня лапки, – невинно мурлыкнул демон.

И захлопал глазам в ответ на мой гневный взгляд. О, Сет, мне собственному слуге прислуживать? Впрочем, у него действительно лапки.

Глава 6

Уже под утро меня посетила гениальная идея. Без преувеличений. После долгих объяснений Ксотуна я вдруг понял, что искал могущество совсем не там. Кровь, жертвы, договоры с богами, подключение к лей-линиям – это уровень Стигии. Он был хорош – в свое время. Но опираться только на него сегодня, в текущих условиях – значит проигрывать местным «тельцам» еще до начала схватки. Как сказал демон: «Пока ты спишь – враг качается». Я сперва не понял эту идиому, но когда она наконец дошла до моего разума полностью...

– Я хочу получать ману из сети Акаши, – заявил я, глядя на сереющее небо, в котором проступали очертания спящего города и его величественных башен.

– Я тоже, – зевнул ориентал, потягиваясь. – А еще я хочу куриную сосиску. И крови. Но так не бывает.

– Молчи, слуга, и внимай мне, – отмахнулся я от его иронии. – Мы возьмем Тень из низших, впечатаем её в обсидиановое зеркало и заставим красть Искры из общего эгрегора! Сделаем её посредником. И каждый, кто посмотрит в это зеркало, отдаст часть своей ментальной энергии!

В этом месте мне даже захотелось расхохотаться от распирающих меня эмоций. Настолько прекрасна была моя идея. Но Ксотун, похоже, придерживался иной точки зрения. Он

перестал медленно вылизывать лапу и посмотрел на меня желтыми немигающими глазами.

– Прости, владыка, но ты, кажется, не совсем понимаешь, как работает этот их интернет, – растянул пасть демон. – Окей. Допустим, мы взяли Тень. Ну, хотя бы Шептуна. Засунули в твой смартфон. Привязали кровью. И с этого момента каждый, кто взглянет в него, испытывая эмоцию, отдаст тебе толику своей энергии. Так?

– Ну да, – кивнул я, уже предвкушая триумф. Говорю же – я гений!

– Отлично. А теперь ответь мне, о великий Плетельщик Снов... – демон хлопнул себя хвостом по бокам. – Как много людей смотрит в смартфон киргизского гастарбайтера?

– ...

– Понимаешь, да? – продолжил Ксотун, не дожидаясь ответа. – В него смотришь ты. Иногда, по твоему приказу, Али-на. Может, бригадир Рамиз заглянет, чтобы проверить, чем ты занимаешься на смене. Итого – три человека. Допустим, они будут смотреть в него по десять раз в день. И тогда, через месяц, ты сможешь накопить одну Искру.

Кот зевнул, обнажая ряды мелких, но острых как иглы зубов.

– Так что да, владыка. Твоя идея гениальна. Особенно если ты планируешь стать могущественным магом лет через пятьдесят.

Захотелось выругаться. Грязно и от души. И желательно

на ахеронском, чтобы от брани на языке некромантов завяли все растения в радиусе лиги. Но маг – это прежде всего самоконтроль. Дисциплина и спокойствие.

Я закрыл глаза, прогоняя желание швырнуть в кота тапком. Демон был прав. Мое «черное зеркало» было слепо и глухо для этого мира. Оно не имело веса.

– Хорошо, – выдохнул я. – Пусть. Значит нужно то зеркало, в которое будут смотреть множество людей.

– И вот так великий архимаг прошлого стал начинающим блогером, – едва слышно откликнулся Ксотун. Со вздохом, кажется.

– Что?

– Я говорю, тернист сей путь, владыка, – уже нормально произнес демон. – Чтобы стать тем, чей контент хавают пипл, нужно уникальное предложение и нормальный продакшн, – выдохнул демон. – Я, кстати, смотрел одного местного жреца, он называл себя «коучем», проповедовал культ «личностного роста» – по сути, современная версия храма Иштар, только без жертвоприношений и с абонентской платой. Очень поучительная была лекция про «охваты» и «релевантность».

– Теперь тоже самое, но на стигийском, – я подпустил в голос немного рычания.

Некоторое время Ксотун путано пытался объяснить мне суть работы внутри интернета. Какие-то охваты, релевантность, часы загрузки, реклама. И надо сказать, что в конце концов я даже ухватил суть.

– Значит нам нужны люди, которые смотрят все, что делает этот блогер?

– И желательно много.

– Ты говорил, что Алина выкладывает фото своих рабов в Акаши... интернет.

– Ну у нее не так много подписоты, тыщи три-четыре на Инсте, да в ВК...

– Значит мы впечатаем Шептуна в ее смартфон!

– Да не так это работает! – взвился демон. – Люди отдают энергию эгрегору, а не стеклянному черному кирпичу! Контенту!

– Значит, в контент!

– Что за бред!.. – тут он увидел, как я широко улыбаюсь, и замер. А потом до него дошло. – Владыка! Это гениально!

– А я что тебе говорил, отрывка Бездны! Пусть я плохо пока разбираюсь в здешних реалиях, но не забывай – в Стигии я взобрался на самую вершину. Смог понять суть интриг Черного Круга, а это, уверяю тебя, совсем не просто! Справлюсь и с маркировкой фоточек!

Я действительно пока откровенно плавал в текущих реалиях, но умел учиться новому. А потому понял, что сперва допустил ошибку, считая эгрегором смартфон, а не то, к чему он дает доступ. Но когда разобрался – все встало на свои места. Смартфон – просто личный алтарь из черного стекла. А чем Алина снимает фотографии своих дизайнерских интерьеров? Ну вот то-то же!

Не откладывая дело в долгий ящик, я тут же сходил комнату, откуда вернулся уже с телефоном рабы. Чиркнул ножом по ладони, приложил порез к черному экрану, и выпуская вместе с кровью две Искры прошептал формулу призыва жителя Тени.

Отнял руку. Кровь собралась на стекле в одну большую кляксу. Точнее сказать – Сальную Кляксу. Шептун по зрелому размышлению был отвергнут в ее пользу. Все-таки именно эта сущность Тени оставляла на всем, чего касалось, отпечаток своей ауры. А теперь и моей.

Получив приказ, она впиталась в стекло, как вода в песок. Я прищурился, активируя магическое зрение. В нем объектив смартфона выглядел уже не стекляшкой, а черным зрачком, в глубине которого пляшут стигийские руны.

– Вот и все, – удовлетворенно кивнул я, не отказав себе в крохотном расточительстве – затянул магией порез. – Теперь все, что моя рабыня будет выкладывать в свои соцсети, будет нести частицу меня.

– Процент от восхищения, негодования, зависти, – кивнул Ксотун. – Нет, понятно, что с трех тысяч фолловеров получится немного. Но ведь процесс можно и масштабировать.

– Вот именно! Тебе задание на ближайшее время. Подбери мне местных блогеров, через которых мы сможем красть ману у «тельцов». Человек пять для начала. И подумай, как к ним подступиться.

– Да через Алину ту же! Она же дизайнер, пусть замутит

какую-нибудь коллаборацию!

– Да-да, – отмахнулся я, поднимаясь. Даже вникать не хотелось, что он там имел ввиду. Понимал, что все равно придется, но не сейчас.

– Постойте, владыка. А вы куда?

– Как куда, тупица? Пора собираться на стройку. Скоро рассветет и я должен быть там.

– Но... зачем? Мы ведь уже поняли, как наладить постоянное поступление маны? Что вам делать на стройке?

Я усмехнулся.

– Не понимаешь? Вот поэтому ты и служишь мне, а не наоборот. Во-первых, у меня по прежнему нет регистрации. А во-вторых – как скоро, думаешь, «тельцы» обнаружат, что к их трубе кто-то сбоку пристроился? Вот-вот, довольно скоро. И они начнут искать наглеца. А последнее место, где это стоит делать – строительная площадка и один из тысяч мигрантов.

– Вот вы голова! – протянул Ксотун. – Даже жаль будет в будущем вас убивать. Я столько у вас научился.

– К лести я равнодушен, – слегка соврал я. – Всё-всё, за работу. Буди хозяйку, время.

* * *

Белый «Кайен» Алины остановился у ворот стройплощадки точно в назначенное время. Девушка, не выходя из маши-

ны, послала мне воздушный поцелуй и пообещала вернуться вечером, предварительно созвонившись с Владой насчёт моей «регистрации». Я кивнул, сохраняя на лице подобающее достоинство, и шагнул в утреннюю слякоть.

Девушка не помнила, как заснула, отчего с утра просто фонила чувством вины. Мне не стоило большого труда убедить ее в том, что не сержусь. Так что она, едва позавтракав, была готова везти меня на работу.

Ксотун, что примечательно, очень обрадовался, что ему со мной не надо. Уж не знаю, почему он вбил в свою ушастую голову, будто я собираюсь взять его с собой – разнорабочий киргиз со статусным котом на руках, что может быть нелепее! Так что он занялся поручениями, которые я ему дал.

Рамиз вышел меня встречать. Похоже, он специально дежурил у проходной, делая вид, что изучает какие-то бумаги. Бедолага никак не мог уловить в голове мой вчерашний отъезд на дорогой машине с красивой девушкой, а уж возвращение с ней же, да еще и этот воздушный поцелуй, окончательно порушил в его голове всю систему координат.

Он оглядел меня с ног до головы. Взгляд его выдавал сложную работу мысли – как у феллаха, пытающегося решить, стоит ли украденный финик риска быть пойманным.

– Эта... – произнёс он наконец. Голос его звучал непривычно – без вчерашней агрессии, но и без теплоты. Где-то посередине. – Подойди-ка сюда.

Я подошёл. Рамиз огляделся, убедился, что рядом никого

нет, и заговорил вполголоса:

– Слышь, Батыг, сегодня ты не на растворе, понял? Будешь моим помощником. По надзору, значит. Ходи, смотри, чтобы работяги не филонили, материалы считай, если что – мне докладывай. Эмне?

Это он на киргизском вдруг выдал. Что, в смысле? Немного я его уже понимал. Наверное, лицо у меня сделалось очень удивленным, раз он это спросил.

Ну, да, я удивился, хотя, в общем-то, нечему было. Рамиз оказался человеком простоватым, но не глупым. В его картине мира я совершил некий социальный переход – из категории «рабочий скот» переместился в категорию «пока непонятно кто, но со знакомыми».

А с такими людьми простой надсмотрщик предпочитал не конфликтовать. Вон сразу не «чурка тупая», а имя вспомнил. Короче, в его мировоззрении, любимцев судьбы лучше держать рядом, на виду, и по возможности – использовать в своих целях. Может и часть удачи перехватить.

Помощник, значит. Что же, меня устраивает.

– Понял, начальник, – кивнул я. – Буду работать хорошо.

Рамиз хлопнул меня по плечу. Не слишком сильно, но и не нежно.

– Иди, осматривайся. На шестнадцатом этаже штукатурки халтурят, внимательнее с ними.

Следующие несколько часов я провёл, мотаясь по этажам и изображая из себя бдительного надсмотрщика. Работа, надо сказать, оказалась куда менее изнурительной, чем таскание вёдер. Я ходил, смотрел, изредка делал замечания, но чаще просто стоял рядом с важным видом, отчего работяги сразу преисполнялись усердия. По крайней мере, пока я не уходил восвояси. Но главное было даже не в том, что больше не нужно было таскать ведра с раствором, а то, что я получил почти полную свободу передвижения.

Что мне и было нужно.

Между делом я пытался отыскать Гончую. Мою Гончую – я даже мысленно успел ее так для себя обозначить. Но облезлый пёс с аурой Порога исчез, будто его и не было. Я облазил все закоулки стройки – смотрел и за вагончиками и возле баков для мусора, где собака могла бы искать пропитание – но нигде не почувствовал знакомого смрада Тьмы. Либо тварь ушла, либо затаилась, либо ждала какого-то момента.

Впрочем, особо расстраиваться по этому поводу я не стал. Гончая никуда не денется – если она раз показалась, значит, появится и во второй раз. А мне было пора заняться другим, не менее важным делом.

Ближе к полудню я вернулся к тому самому подъезду, где вчера пытался попасть в квартиру на пятнадцатом этаже. Те-

перь, когда у меня были Искры, задача выглядела куда более решаемой.

Поднялся по лестнице, убедился, что вокруг никого нет, и остановился перед массивной железной дверью. Приложил ладонь к холодному металлу, закрыл глаза и активировал магическое зрение.

Замок оказался не таким уж и сложным – три штифта, личинка, защитная пластина. Для физического взлома потребовалось бы изрядно повозиться. Но я собирался действовать иначе.

«Длань Дагона» – вчера непозволительная роскошь, сегодня же – расходы которые я вполне могу себе позволить. Сила хлынула в металл, разрушая связи на изначальном уровне. Сталь превращалась в ржавую труху, штифты крошились, личинка осыпалась.

Через несколько секунд дверь со скрипом отворилась. Я проскользнул внутрь, плотно прикрыв ее за собой, и замер, осматриваясь.

Квартира была просторной, с высокими потолками и панорамными окнами, откуда открывался красивый вид на город. Стены – пока еще голый бетон, пол – залитая стяжка, никаких следов отделки. Но меня не интересовала дизайн интерьеров. Эманации смерти вели меня от прихожей, через главные покои к небольшому алькову, укрытому за простой деревянной дверью.

Посмертная энергия была в виски так сильно, будто здесь

кто-то умирал даже не часами – сутками. Не могу представить, как это можно скрыть от остальных людей. Губы сами собой сложились в довольную улыбку. Похоже, я нашел настоящий клад.

– Что ты скрываешь? – прошептал, потянув на себя дверь.

И уставился в темный провал, черную дыру в стене. От неожиданности даже отшатнулся. Но вскоре, когда магическое зрение подстроилось, увидел уходящие вниз ступени. Подвал? На пятнадцатом этаже? Тогда уже скорее спуск на этаж ниже.

Понимание пришло с задержкой в пару секунд. Не подвал. И не спуск – это точно не квартира в двух уровнях. Домен. Я стоял перед входом в чужой домен.

– Сет! – выдохнул я, шокированный.

Это было похоже на то, когда отправился охотиться на оленя и вдруг обнаружил, что преследуешь пустынного льва. Домен.

Ну надо же!

Карман в другое пространство. Волей мага созданное место за пределами реальности. Принадлежащее ему и только ему. Требующее много Искр на создание, но дающее безопасность почти абсолютную. Кто-то незванный, но сильный мог сюда войти. Проломить защиту, забрать то, что внутри. Я – быть может. Прежний, в те времена, что остались позади. Но не сейчас.

Кто же ты такая, толкователь законов Влада? Чем ты зани-

маешься, что у тебя в квартире находится домен? И не просто захоронка, чтобы спрятаться в случае беды. Внутри, судя по эманациям смерти, еще и мощный источник находится. Какой-нибудь бедолага, оставленный умирать – да, тут я не ошибся – сутками напролет.

Как оказалось – не только источник, но и страж. Пока я глупо пялился в черный провал, оттуда показалась сперва одна рука, потом вторая, а вслед за ними на свет появилась и рожа. Сказал бы лицо, но это было не так. Именно рожа. Когда-то человеческая, но теперь с родом людским имеющая лишь отдаленное родство.

Бугристая кожа грязно-серого цвета, будто покрытая бесчисленными наростами и бородавками. Крохотные, горящие желтым огнем глаза, проваленный внутрь черепа нос, огромный рот на половину этой жуткой морды, распахнутый так широко, что туда могла бы пролезть моя голова. И зубы – желтые, тупые, словно бы человеческие, но в два-три раза больше.

Тварь лезла молча, не издавая не звука, и поэтому, наверное, я не сразу сообразил, что вообще-то пора бы уже бежать. О сражении не могло идти и речи – это создание порвет меня на части так же легко, как я – свежий хлеб. Да и чем сражаться? Магия, сильная настолько, чтобы могла нанести ему вред, требует много Искр. Не жалких шести штук, что у меня оставались.

Но кое-что я мог. Сжигая почти все запасы – зачем они,

если умру? – я призвал «плеть Дагона» – кнут, созданный из темной воды, и ударил им по морде твари. Вот тогда она и издала первый звук.

Зашипела, как змея, которой наступили на хвост. Отступила обратно во Тьму домена и оттуда уже махнула лапшей, перехватывая заклинание. Дернула на себя. Чудом сообразив, что за этим последует, я развеял «плеть». И быстро-быстро перебирая ногами стал отползать прочь от жуткого создания.

Но недостаточно быстро. Морда чудовища рванула ко мне, распахивая пасть... Но не дотянулась нескольких сантиметров. Не потому, что промахнулась – ей помешали.

Из-за моей спины выскочил облезлый пес. Прыгнул прямо на морду твари, всеми лапами уперся в лоб и толкнул. Сила удара отбросила монстра обратно в провал. А псина, как заправский акробат, отскочил обратно за мою спину.

И тут уже я не оплошал. Скакнул вперед и с грохотом закрыл дверь в домен. После чего повалился на спину, слушая, как сердце пытается вырваться из клетке ребер.

О, Сет! Это же был ахеронский страж? Какого хрена он делает в Москве сейчас. Ведь империя некромантов была мифом уже в мое время.

Перед глазами вдруг оказалась собачья морда со свалывшейся шерстью и умными, почти человеческими глазами. Пасть распахнулась и липкий язык прошелся по моей щеке.

– Хватит, Сехмет-ша! – прохрипел я, не зная, плакать мне

или смеяться. – Не притворяйся дворнягой, я уже узнал тебя.

Глава 7

Современное человечество считает мифической древностью времена античного Египта, Греции или Рима. А ведь их с сегодняшним днем разделяет всего-то пара тысяч лет. Время же, в который варвары разрушили черные башни Ахерона и втоптали империю некромантов в грязь, отстояло от золотого века Стигии на три тысячи лет. К моему рождению некогда могущественное государство уже стало легендой, пугающей сказкой, которую шепотом рассказывали послушникам храма Сета. И тем не менее, здесь, в Москве, в недостроенной многоэтажке, где рабочим только предстояло сделать ремонт, я столкнулся с ахеронским кадавром.

В мое время их тоже можно было встретить. В заброшенных катакомбах уничтоженных городов, в склепах, канализациях. Не часто – скорее должно было здорово не повезти, чтобы наткнуться на такого реликта павшей эпохи. Ахеронский язык стал языком магии, даже стигийские заклинания, начиная с третьего круга, произносились только на нем.

Но все же – Пайтон, легендарная столица некромантов – пал. Черные башни были разрушены. Артефакты и прочие предметы силы – большей частью уничтожены восставшими племенами. Их достижения, их завоевания, их гордыня, все это стало песками истории. Однако, вот он я сижу на бетонном полу, мое лицо вылизывает вернувшаяся Гончая Поро-

га. И я только что пережил столкновение с ахеронским стражем.

В мои времена любой жрец сказал бы, что они вымерли вместе со своими хозяевами. Что их кости давно истлели в руинах Пайтона. И вот – он здесь. В Москве. Охраняет домен адвоката.

Уму непостижимо.

– Хватит, – попросил я сехмет-ша. – Мне неприятно. Но должен сказать, ты появилась вовремя.

О том, чтобы поблагодарить призванную и по-прежнему верную мне тварь, я даже не думал. Не те у нас были отношения. Потусторонние создания – не домашние питомцы, пусть иногда и выглядят именно так. Они плоть и кровь Той стороны. Места, где обитают силы, неподвластные человеческой воле и разуму.

Просто у нас контракт. Я получаю службу Гончей, она – пищу, ей необходимую. И смерть, которая со мной все же случилась, не поставила подпись под этим документом.

– Почему сразу не подошла?

Сехмет-ша не умеют разговаривать. Жители Порога разумны лишь условно – понимают волю хозяина, могут донести свои потребности, но на этом все. Моя Гончая тем не менее ответила. Не так, как Ксотун, не словами.

В моей голове возникли ощущения и образы. Голод. Слабость. Страх. Неуверенность.

– Не была уверена, что я – это я? – пришлось почесать

лобастую и, наверняка, блохастую псину по шее. – Совсем отощала? А этот живой труп, который ты носишь – лучшее, что смогла найти? Понимаю. Но ничего. Твоя служба продолжается. Скоро мы подберем тебе оболочку попрличнее. Или немного починим эту. Хотя, чего ждать?

«Плеть Дагона» обошлась мне в пять Искр. Подарила пару секунд и, без сомнения, спасла жизнь. От ночной подзарядки на лей-линии осталась лишь одна. И ее я влил в жалкое тело Гончей. Заклинание регенерации не превратит ее из дворянки в ротвейлера, но все же позволит стать чуть более эффективнее. Экономить на собственной жизни я не собирался. Не тогда, когда обнаружил ахеронский домен.

– Итак, – произнес я, устраиваясь поудобнее, закинув руку на шею сехмет-ша. Теперь, когда дверь в домен была закрыта, мне ничего не грозило, стражи атакуют лишь тех, кто пытается туда войти. – «Тельцы» не только с эгрегоров Акаши кормятся, но и наследием некромантов не гнушаются пользоваться. Это важная информация. Интересно, они так сильны или так глупы, что приняли это проклятое наследие?

Вопрос не праздный. Стигия была современницей Ахерона. Конечно, не такой могущественной, как в мое время, но как государство существовала. А потому, мы, стигийцы, наверное, лучше чем кто либо понимали, как опасны знания, которыми владели темнокожие некроманты.

Например, в моем арсенале имелось несколько выученных заклинаний школ Ахерона. Я даже кадавра, подобного

тому, с которым схватился здесь, мог создать – при наличии Искр и нужных материалов. Но я ни разу в своей жизни не использовал их. Даже когда подыхал в песках Шема или блуждал в лесах Гиркании, спасаясь от тамошних чудовищ. Слишком уж велика была расплата. Как говаривал мой учитель, чьи берцовые кости позже стали часть моего кресла: «Иногда дешевле сдохнуть».

Он был мудр. Хотя и проиграл в нашем поединке.

Еще момент. Вернувшаяся хозяйка – это я про адвоката-тессу Владу Мешкову, или кто там на самом деле владеет доменом и стражем – узнает про вторжение. Более того, мое неосмотрительно примененное заклинание, разрушившее замок на двери, оставило следы, которые хороший колдун прочтет без труда. Она, если не совсем бездарность, а пока ничего на это не указывает, прекрасно поймет, что, но главное – кто, приходил в гости. И насторожится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.